АЛТАЙ.

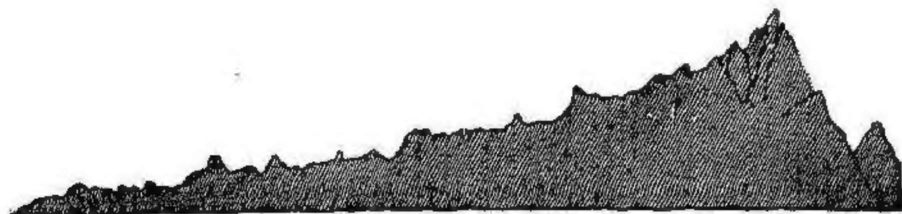
Его святыни.—Миссіонерство.—Дивные пути Промысла Божія въ обращеніи язычниковъ въ христіанство.—Воспоминанія о почившихъ миссіонерахъ.

СОСТАВИЛЪ

Протоіерей Михаилъ Путинцевъ.



Изданіе второе.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1891.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета, печатать дозволяется. Москва, сентября 2 дня, 1891 года.

Цензоръ священникъ *Николай Елеонскій.*



I

СВЯТЫНИ АЛТАЯ.

Пятьдесятъ три года тому назадъ на величественномъ по красотамъ природы, но дикомъ Алтаѣ, не слышно было славословія Богу единому: обитающіе на немъ кочевые Калмыки-звѣроловы поклонялись ложнымъ богамъ и во главѣ ихъ начальнику зла—діаволу. считая его однимъ изъ главныхъ божествъ *). Глубокая духовная тьма царила надъ Алтаемъ.

Но вотъ, въ 1830 году, явился на Алтай смиренный проповѣдникъ Евангелія, архимандритъ Макарій (Глухаревъ), и мало-по-малу, шагъ за шагомъ, подвигаясь въ глубь Алтайскихъ горъ и лѣсовъ, вносилъ ученіе

---

*) Алтайскіе Калмыки, покланяясь множеству мелкихъ боговъ, признаютъ два главныя божества: *доброе*, богъ—творецъ, по-калмыцки *ульгэнь* и *злое—эрликъ*, иначе *шайтанъ*, т.-е. діаволъ. Послѣдняго они очень боятся, поклоняются и приносятъ жертвы ему усерднѣе, нежели первому, такъ какъ діаволъ, по ихъ понятіямъ, много дѣлаетъ вреда человѣку, золъ, мстителенъ, а потому его и нужно какъ можно больше ублажать. Такимъ образомъ выходитъ, что у Алтайцевъ верховное божество есть діаволъ. Мелкія божества, чтимыя у нихъ, называются *экгерь* (діаволы низшаго ранга). Для олицетворенія божествъ дѣлаются безобразныя куклы, ставятся въ горахъ и долинахъ шесты, обвязанные тряпками, съ подвѣсками изъ конскаго волоса, и т. п. Капищъ не имѣютъ, а жертвы, всегда кровавыя изъ домашнихъ животныхъ, приносятся на всякомъ мѣстѣ. Жреческой касты нѣтъ. Нѣчто подобное ей составляютъ *камы* или *шаманы* (знахари, колдуны, предсказатели).

истинной вѣры въ юрты полудикихъ алтайцевъ. Въ горахъ и долинахъ Алтая начали воздвигаться храмы Божіи. Число вѣропроповѣдниковъ съ теченіемъ времени постепенно увеличивалось, и наконецъ въ наши дни мы видимъ въ Алтайскихъ горахъ благоустроенную духовную Миссію, въ числѣ 14-ти миссіонеровъ съ настоятелемъ епископомъ во главѣ. Трудами этой Миссіи, въ пятьдесятъ три года, изъ 30 тысячъ коренныхъ жителей Алтая—язычниковъ, просвѣщено православною вѣрою болѣе 10 тысячъ душъ, и ежегодно обращается въ христіанство отъ 400 до 500 душъ. Въ настоящее время на Алтаѣ до 100 селеній и улусовъ, гдѣ осѣдло живутъ и занимаются сельскимъ хозяйствомъ новокрещенные алтайцы, бывшіе кочевники и звѣроловы. Въ селеніяхъ этихъ находится 40 церквей и молитвенныхъ домовъ и 38 школъ для дѣтей. Кромѣ того на Алтаѣ двѣ иноческихъ миссіонерскихъ обители: мужская и женская. Такъ Всезиждитель Господь благословилъ апостольскіе труды первоначальника Миссіи, о. архимандрита Макарія и послѣдующихъ его преемниковъ въ дѣлѣ евангельской проповѣди. Мало того, многомилостивому и всещедрому Богу угодно было прославить юный въ христіанствѣ Алтай благодатными святынями, на поклоненіе которымъ ежегодно стекаются во множествѣ не только алтайскіе христіане, но и жители сосѣднихъ съ Алтаемъ округовъ, губерній Томской и Енисейской, и степныхъ областей Семипалатинской и Акмолинской. Объ этихъ-то Алтайскихъ святыняхъ я и намѣренъ сообщить боголюбивымъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя мною во время поѣздокъ моихъ по Алтаю.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1881 года я назначенъ былъ на службу въ Алтайскую духовную Миссію и отправился

изъ Томска въ г. Бійскъ, гдѣ находится резиденція начальника Миссіи, викарія томской епархіи — епископа Бійскаго.

Бійскъ—городокъ небольшой, небогатый, съ населеніемъ до 8 тысячъ душъ. Въ немъ двѣ приходскія церкви, одна кладбищенская и одна домовая, — при архіерейскомъ домѣ. Строится и близка къ окончанію пятая церковь, приходская же. Викаріатская архіерейская каѳедра учреждена здѣсь въ началѣ 1880 года, при чемъ первымъ викаріемъ назначенъ начальникъ алтайской миссіи, о. архимандритъ Владиміръ, съ оставленіемъ въ прежней, начальственной надъ миссіей, должности *).

На средства Бійскаго городскаго общества, съ небольшимъ пособіемъ отъ казны, личнымъ стараніемъ и трудами преосвященнаго Владиміра, опытнаго въ строительномъ дѣлѣ, воздвигнутъ прекрасный архіерейскій домъ, трехъэтажный, полукаменный, съ домовою церковію въ честь иконы Казанскія Пресвятыя Богородицы. Церковь весьма помѣстительная, съ хорами для пѣвчихъ, довольно благолѣпно украшена. Богослуженіе въ ней совершается ежедневно монашествующею братіей архіерейскаго дома. Пѣвческій хоръ викарія составленъ исключительно изъ молодыхъ крещеныхъ инородцевъ. Часто богослуженіе самимъ преосвященнымъ совершается на калмыцко-татарскомъ языкѣ. Алтайцы вообще способны

*) Хиротонія о. архимандр. Владиміра во епископа совершена 16 марта 1880 года въ Томскѣ, мѣстнымъ епископомъ Петромъ (нынѣ состоитъ на покоѣ въ Бизюковскомъ монастырѣ, Таврич. епархіи) и бывшимъ епископомъ тобольскимъ (нынѣ пермскій) Ефремомъ. Преосв. Владиміръ, происхожденіемъ изъ донскихъ казаковъ, магистръ Кіевской Духовной Академіи; служилъ профессоромъ семинарій Орловской и Иркутской, инспекторомъ Томской семинаріи, инспекторомъ же С.-Петербургской д. академіи; а съ 1864 года состоялъ начальникомъ Алтайской миссіи. Нынѣ онъ епископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

къ пѣнію и любятъ его. При архіерейскомъ домѣ есть очень хорошая иконописная мастерская, въ которой подъ руководствомъ миссіонера о. игумена Антонія, занимаются живописью нѣсколько молодыхъ людей изъ крещеныхъ инородцевъ. Изъ этой иконописной вышли прекрасныя иконы для иконостасовъ многихъ церквей Алтайской миссіи, не считая множества образовъ, написанныхъ для постороннихъ лицъ и для непринадлежащихъ къ миссіи сельскихъ и даже городскихъ храмовъ. Для дѣтей инородцевъ, составляющихъ пѣвческій хоръ, устроена при архіерейскомъ домѣ первоначальная школа, управляемая опытнымъ педагогомъ, о. іеромонахомъ Иннокентіемъ, воспитанникомъ С.-Петербургской духовной академіи.

Прибывъ въ Бійскъ и представившись преосвященному начальнику миссіи, я, по желанію архипастыря, перешелъ съ частной квартиры на жительство въ архіерейскій домъ. По давнему обычаю, всѣ служащіе въ миссіи, пріѣзжая въ центральный пунктъ ея, всегда останавливаются въ домѣ своего начальника и живутъ въ этомъ домѣ на полномъ отъ него содержаніи, безвозмездно, столько времени, сколько потребуется для нихъ по дѣламъ и обстоятельствамъ. Вообще нужно замѣтить, что въ Алтайской миссіи, со временъ ея основателя, приснопамятнаго архимандрита Макарія, и донынѣ царствуетъ между ея членами замѣчательное единодушіе, дружба и любовь. Несмотря на различіе лѣтъ, образованія и характеровъ оо. миссіонеровъ, они истинно составляютъ одну общую родную семью, гдѣ нѣтъ мѣста ни распрямъ, ни зависти, ни пререканіямъ. Дай Богъ, чтобы этотъ духъ апостольскаго братства и любви никогда не угасалъ въ Алтайской миссіи.

Вскорѣ по моемъ прибытіи, преосв. Владиміръ воз-

намѣрился отправиться въ бывшій главный станъ миссіи, село *Улалу*, въ 95 верстахъ отъ Бійска, при чемъ приказалъ и мнѣ сопутствовать ему. Въ свѣтлый и морозный ноябрьскій полдень выѣхали мы съ его преосвященствомъ изъ Бійска, безъ свиты, въ простой и легкой повозочкѣ. Торжественный звонъ бійскихъ церквей провожалъ владыку. На пути до Улалы встрѣтилось нѣсколько церквей, которыя преосвященный всѣ посѣтилъ, и вездѣ велъ бесѣды съ собиравшимся народомъ. На нѣсколько минутъ владыка, обыкновенно, заходилъ и въ домы священниковъ, гдѣ привѣтливо бесѣдовалъ съ хозяевами и ихъ дѣтьми. Дѣтей преосвященный Владиміръ очень любитъ, умѣетъ бесѣдовать съ ними, даже съ самыми малыми, почему и дѣти также любятъ его и радуются встрѣчѣ съ нимъ. Разсказываютъ, что и первоначальникъ Алтайской миссіи, о. Макарій, имя котораго понынѣ на устахъ всѣхъ алтайцевъ, тоже очень любилъ дѣтей, любилъ бесѣдовать съ ними, училъ ихъ молитвамъ и пѣнію, часто игралъ съ ними и отечески ласкалъ ихъ. Въ обществѣ дѣтей о. Макарій, обыкновенно сосредоточенный въ себѣ и какъбы грустный, говорятъ, дѣлался веселымъ: его чистая душа радовалась, глядя на этихъ чадъ царствія Божія. За то и дѣти платили ему тоюже монетой: завидѣвъ его, они съ криками радости бѣжали къ нему и наперерывъ спѣшили лобызать его благословляющую руку.

Утромъ на слѣдующій день мы прибыли въ село *Майму*, прямо въ *единственный* на Алтаѣ *каменный* храмъ, устроенный во имя Св. Духа. Храмъ этотъ и самое село Майма—памятники незабвеннаго о. Макарія: здѣсь былъ первый по времени станъ основанной имъ миссіи; здѣсь о. Макарій устроилъ небольшой домикъ для помѣщенія себя съ двумя сотрудниками и состоявшей при немъ

походной церкви; отсюда же онъ сперва и направлялся въ разныя стороны по Алтаю для проповѣди Евангелія. На мѣстѣ этого домика и воздвигнутъ нынѣшній майминскій Святодуховскій храмъ. Въ Маймѣ и теперь живы многіе изъ учениковъ о. Макарія, имъ крещеные. Они съ любовію и благоговѣніемъ вспоминаютъ его.

Въ Улалу мы прибыли въ часъ дня, и прямо въ церковь всемилостиваго Спаса, гдѣ преосвященный торжественно былъ встрѣченъ улалинскими оо. миссіонерами, при многочисленномъ стеченіи народа, къ которому архипастырь обратился съ привѣтственнымъ словомъ. Назавтра, по благословенію владыки, и въ сопутствіи его помощника по начальствованію надъ миссіей, о. архимандрита Макарія *), я посѣтилъ обѣ улалинскія церкви: домовую *Иннокентіевскую* и *Спасскую*. Первая устроена въ мезонинѣ дома, занимаемаго помощникомъ начальника миссіи, очень маленькая и бѣдная, въ родѣ тѣхъ малыхъ и убогихъ церквицъ, какія имѣются при пустынныхъ кельяхъ на Аѳонѣ. Но видъ этого тѣснаго и скромнаго храма, посвященнаго памяти почивающаго во благоуханіи святыни, одного изъ прославленныхъ миссіонеровъ страны Сибирской, св. Иннокентія Иркутскаго, производитъ на молящагося особенное благодатное, успокаивающее, умиротворяющее впечатлѣніе, напоминая о тщетѣ всякой роскоши и о простотѣ жизни тѣхъ смиренныхъ рыбарей, первыхъ миссіонеровъ христіанства, могущественное, свыше облагодатствованное слово которыхъ разнеслось во

---

*) О. архимандритъ Макарій, въ мірѣ Михаилъ Невскій, изъ студентовъ Тобольской семинаріи. По окончаніи курса въ 1856 г., поступилъ послушникомъ въ Алтайскую миссію, которой всецѣло и посвятилъ свою жизнь и свои труды. Отличный знатокъ алтайскаго языка, о. Макарій, при участіи миссіонера изъ калмыковъ, свящ. Михаила Чевалкова, перевелъ на алтайск. языкъ литургію, всенощное бдѣніе, Евангеліе и много духовно-нравственныхъ книгъ. Такіе переводы и нынѣ имъ продолжаются

всѣ концы вселенной и покорило царей и народы. Во время довольно продолжительнаго (болѣе двухъ мѣсяцевъ) пребыванія моего въ Улалѣ, я любилъ уединяться для молитвы и размышленія въ этотъ малый храмъ, и тамъ отдыхала душа моя, утомленная заботами и скорбями земными...

Церковь всемилостиваго Спаса, деревянчая, очень помѣстительная и весьма благолѣпно украшенная, находится на небольшой площади, окруженной со всѣхъ сторонъ обширными зданіями, въ которыхъ помѣщаются различныя учрежденія миссіи. Въ церкви этой находятся многочтимыя святыни Алтая: 1) *части мощей св. Апостола Андрея Первозваннаго и священномученика Игнатія Богоносца*, вложенныя въ одну икону, изображающую сихъ угодниковъ Божіихъ и хранящуюся на особомъ благолѣпно украшенномъ аналоѣ; и 2) особенно прославившаяся на Алтаѣ и далеко въ его окрестностяхъ, *икона св. великомученика Пантелеимона съ частицею его многоцѣлебныхъ мощей*. Икона сія величиною до полутора аршина. Украшена богатою серебро-позлащенною ризой. Великомученикъ на ней изображенъ во весь ростъ, а вокругъ него написаны событія изъ его жизни и мученической кончины.—Икона св. Андрея Первозваннаго и св. Игнатія Богоносца, съ частицами ихъ св. мощей, пожертвована въ миссію однимъ благочестивымъ жителемъ г. Омска, пожелавшимъ скрыть свое имя. Икона св. Пантелеимона, вмѣстѣ съ частью мощей его, прислана въ даръ и благословеніе Алтайской миссіи отъ Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на св. горѣ Аѳонской, въ 1879 году. Въ дѣлѣ присылки на Алтай этого драгоцѣннаго дара много усердствовалъ и содѣйствовалъ приснопамятный и извѣстный всей православ-

ной Россіи, аѳонскій іеромонахъ Арсеній, скончавшійся въ Москвѣ въ ноябрѣ 1879 года.

Изъ Москвы до Томска св. икона эта привезена была однимъ священникомъ, слѣдовавшимъ въ Амурскій край. Въ самомъ Томскѣ она торжественно, съ крестнымъ ходомъ, при громадномъ стеченіи народа, встрѣчена за городомъ, нарочно для того прибывшимъ изъ Улалы, начальникомъ миссіи, архимандритомъ Владиміромъ, и внесена въ каѳедральный соборъ. Такимъ образомъ, по благому устроенію Божію, съ горъ Аѳонскихъ въ горы Алтайскія прибылъ, въ своей иконѣ и въ части мощей, древній, какъ выражено въ отчетѣ миссіи за 1880 г., миссіонеръ христіанства, св. Пантелеимонъ, начавшій свое служеніе дѣлу Христову обращеніемъ къ св. вѣрѣ своего родителя язычника и потомъ весьма многихъ невѣрныхъ приведшій ко спасенію вѣрою о Христѣ.

Въ день встрѣчи св. иконы въ Томскѣ, о. архимандритъ Владиміръ, возвратясь съ крестнаго хода въ архіерейскій домъ, обратился къ тогдашнему томскому владыкѣ Петру съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „имѣю честь поздравить ваше преосвященство, съ новымъ начальникомъ Алтайской миссіи.“ Преосвященный, въ удивленіи и безпокойствѣ, полагая, что получено какое-либо распоряженіе высшаго духовнаго правительства о перемѣнѣ въ миссіи, спросилъ: „какъ? что такое вы говорите?“ Тогда о. архимандритъ высказалъ архіерею свою мысль и глубокую вѣру, что съ этого времени великомученикъ Пантелеимонъ есть и будетъ *главный* начальникъ миссіи, *первѣйшій ея миссіонеръ,* небесный руководитель и представитель, а самъ онъ, —о. архимандритъ только первый слуга и помощникъ новаго патрона миссіи.

Съ тоюже вѣрой въ благомощное предстательство угодника Божія отнеслись къ нему на Алтаѣ и прочіе

оо. миссіонеры, и неизмѣнно питаютъ, и конечно, всегда будутъ питать, они и ихъ послѣдующіе преемники, эту отрадную въ ихъ многоскорбномъ служеніи вѣру къ великому Страстотерпцу и милостивому Цѣлителю болѣзней тѣлесныхъ и духовныхъ.

Изъ Томска святыня въ безпрерывномъ крестномъ ходѣ препровождена сперва въ Бійскъ, а потомъ и въ Улалу. Вездѣ св. икону православные встрѣчали съ великимъ торжествомъ, выражая свое почитаніе угодника Христова усердными, колѣнопреклонными и слезными молитвами, служеніемъ молебновъ, обильнымъ возженіемъ свѣчъ предъ его образомъ. По принесеніи, 1-го октября 1879 г., святой иконы великомученика въ Улалу, главный станъ и тогдашнюю резиденцію начальника миссіи, совершенъ былъ съ нею крестный ходъ по всѣмъ миссіонерскимъ станамъ, по всѣмъ селеніямъ крещеныхъ инородцевъ, которые въ усердіи и въ выраженіи благоговѣйныхъ чувствъ къ священному гостю не отставали отъ коренныхъ православныхъ—Русскихъ.

Во всѣхъ церквахъ, молитвенныхъ домахъ и школахъ миссіи, во всѣхъ хижинахъ и юртахъ крещеныхъ алтайцевъ побывалъ небесный начальникъ Алтайской миссіи, и все и всѣхъ освятилъ своимъ благодатнымъ присутствіемъ. Онъ многомилостивый цѣлитель, въ этомъ своемъ священномъ шествіи по горамъ и долинамъ алтайскимъ, не оставилъ простодушныхъ и вѣрующихъ юныхъ чадъ церкви Христовой своими милостями, явивъ на Алтаѣ не мало знаменій божественной благодати, присущей его св. мощамъ и иконѣ. Во славу Божію и въ прославленіе великомученика, предлагаю нѣсколько достовѣрнѣйшихъ разсказовъ о благодатной помощи, явленной чрезъ его икону и св. мощи на Алтаѣ, со времени принесенія туда сей святыни.

1) Въ Николаевскомъ женскомъ миссіонерскомъ монастырѣ, близъ Улалы, нѣсколько уже лѣтъ проживала молодая крестьянская дѣвушка, въ сильной степени одержимая бѣснованіемъ, такъ что самый видъ этой несчастной страдалицы, изможденной, съ дикимъ безсмысленнымъ взоромъ, былъ ужасенъ. Въ особенности страшно бѣсновалась она и изрыгала богохульныя слова въ церкви и вообще въ присутствіи святыни. Ни земныя лекарства, ни молитвы добрыхъ сестеръ обители и оо. миссіонеровъ не приносили болящей не только выздоровленія, но и малаго облегченія; ее даже нельзя было пріобщить Св. Таинъ, вслѣдствіе ея страшнаго бѣснованія. Долго страдала эта дѣвица, но пришелъ часъ и явился къ ней небесный избавитель. Когда св. икону великомученика несли изъ Улалы въ первый разъ въ женскій монастырь, то на встрѣчу вывели и бѣсноватую, которая ужасно билась, едва удерживаемая нѣсколькими сильными людьми, и изрыгала богохульства. Лишь только она издалека завидѣла св. икону, то богохульствовать перестала, а только кричала: „горю, горю; онъ сожжетъ меня!“ Несмотря на всѣ усилія, страдалицу не могли подвести къ лобызанію св. иконы, а повели ее вслѣдъ за крестнымъ ходомъ. Шедшій назади болящей о. архимандритъ, молясь о ея исцѣленіи, изрѣдка ограждалъ ее крестнымъ знаменіемъ, чего она, идя значительно впереди и не оглядываясь, не могла видѣть, но при каждомъ осѣненіи, хватаясь за затылокъ, громко вскрикивала: „больно, жжетъ!“ Наконецъ больную послѣ страшныхъ усилій удалось подвести къ иконѣ и насильно приложить къ св. мощамъ. Въ эту минуту она внезапно и совершенно пришла въ себя, усердно и осмысленно молилась великомученику, потомъ говѣла, исповѣдывалась и пріобщилась Св. Таинъ. Съ тѣхъ поръ бѣснованіе ея

прекратилось. и она понынѣ живетъ въ тойже женской обители. здравая душевно и тѣлесно. Дѣвица эта разсказываетъ, что въ день исцѣленія, при встрѣчѣ иконы великомученика, ей представилась эта икона сіяющею столь необыкновеннымъ свѣтомъ, что глаза не могли выносить его. а отъ лика угодника Божія исходилъ огонь, который какъбы опалялъ и вмѣстѣ очищалъ душу и тѣло ея.

2) Въ Бѣло-Ануйское селеніе Черно-Ануйскаго отдѣленія миссіи была также и въ томъ же мѣсяцѣ принесена икона св. Пантелеимона. Въ селеніи этомъ живетъ одно раскольничье семейство. Когда шествіе съ иконою приближалось къ деревнѣ и всѣ жители отъ мала до велика спѣшили на встрѣчу святынѣ. мать упомянутаго семейства—старуха смѣялась надъ усердіемъ православныхъ и кощунственно произнесла: „вотъ кого бѣгутъ встрѣчать, на него и смотрѣть-то нельзя: это антихристъ!“ И что же? Въ тотъже вечеръ несчастная внезапно ослѣпла... Страстотерпецъ, покаравъ ее, показалъ ей и ея единомышленникамъ, что дѣйствительно *нельзя смотрѣть* на его икону. но *только кощунственными и дерзкими очами;* а православныхъ онъ событіемъ этимъ еще болѣе утвердилъ въ той отрадной для христіанина увѣренности, что *дивенъ Богъ во святыхъ своихъ.* Однодеревенцы столь строго вразумленной великомученикомъ раскольницы сообщили мнѣ, что съ того памятнаго для нея дня она начала усердно молиться св. Пантелеимону, прося у небеснаго врача прощенія въ своемъ невѣріи и кощунствѣ и исцѣленія ея потемнѣвшихъ очей, и только чрезъ полтора года послѣ описаннаго событія начала нѣсколько видѣть, но не ясно, и глаза у ней постоянно болятъ, гноятся. Она дала обѣщаніе сходить въ Улалу на поклоненіе иконѣ и мощамъ велико-

мученика, если окончательно избавится отъ постигшаго ее несчастія.

3) Одна особа благороднаго сословія, проживающая въ г. Б. Томской губ., вскорѣ по принесеніи въ Улалу иконы и мощей св. Пантелеимона, получила чудесное исцѣленіе слѣдующимъ образомъ. Особа эта страдала болѣзненною страстью къ вину и, при всемъ своемъ желаніи и усиліяхъ отстать отъ этой страсти, не въ состояніи была бороться съ ней. Слыша давно о чудесахъ св. великомученика, совершающихся въ разныхъ краяхъ Россіи, и узнавъ о принесеніи съ Аѳона въ Улалу иконы и частицы мощей сего угодника Божія, упомянутая особа начала усердно молиться св. Страстотерпцу объ исцѣленіи ея отъ погибельной страсти къ вину. Св. Цѣлитель внялъ горячимъ молитвамъ скорбящей и врагомъ озлобленной души: явившись больной особѣ въ сонномъ видѣніи, онъ приказалъ ей идти въ Улалу на поклоненіе присланной съ Аѳона святынѣ и тамъ обѣщалъ ей исцѣленіе. Болящая особа вскорѣ отправилась въ Улалу, молилась тамъ угоднику Божію, служила молебны, говѣла, исповѣдывалась и пріобщилась. По обѣщанію св. цѣлителя и по вѣрѣ ея и было ей (Матѳ. 9, 29): послѣ совершеннаго ею путешествія и молитвеннаго подвига, томившая ее страсть къ вину прекратилась, такъ что она съ тѣхъ поръ безъ отвращенія не можетъ и видѣть вино, тогда какъ прежде одинъ взглядъ на этотъ напитокъ производилъ въ ней ненасытную жажду къ нему.

4) Одинъ изъ старѣйшихъ, какъ по времени служенія въ миссіи, такъ и по сану, оо. миссіонеровъ алтайскихъ, о. М., также испыталъ на себѣ дивную помощь великомученика. Въ декабрѣ 1881 года этотъ достопочтенный миссіонеръ, бывши по дѣламъ службы въ Бійскѣ у пре-

освященнаго. заболѣлъ тамъ брюшнымъ тифомъ. Болѣзнь, по обычному ея ходу, усиливалась. Приглашенъ былъ врачъ, который, осмотрѣвъ больнаго, призналъ состояніе его опаснымъ и предписалъ нужныя лекарства. Окружавшіе больнаго сильно встревожились. Въ Улалу отъ преосвященнаго посланъ былъ нарочный съ извѣстіемъ о тяжкой болѣзни о. М., и съ просьбою къ тамошнимъ миссіонерамъ помолиться предъ иконою св. Пантелеимона о ихъ болящемъ собратѣ. Въ этотъ же день на имя больнаго о. М. получено было въ Бійскѣ изъ Русскаго монастыря на Аѳонѣ письмо, со вложеніемъ изображенія великомученика и съ замѣчаніемъ, что отъ таковыхъ изображеній бываютъ знаменія благодатной помощи. Письмо это было прочитано болящему. Съ вѣрою и молитвою положилъ онъ изображеніе угодника себѣ на грудь. Въ тоже время въ Улалѣ предъ иконою и мощами Цѣлителя совершались о здравіи о. М. молебны съ акаѳистами. Пріѣхавшій на слѣдующее утро врачъ, по осмотрѣ больнаго, объявилъ, что жаръ въ тѣлѣ великъ (до 40°) и что, при самомъ благопріятномъ ходѣ своемъ, высшая степень жара должна продолжаться еще около недѣли, затѣмъ съ недѣлю постепенно уменьшаться, если не послѣдуетъ печальнаго кризиса. Предъ вечеромъ въ тотъже день нарочно было послано за докторомъ — взглянуть, что съ больнымъ. Прибывшій врачъ *изумляется*, потому что находитъ о. М. въ поту, съ перемѣненною уже рубашкой, — жаръ крови опустился даже ниже обыкновеннаго; кожу больнаго нашелъ влажною, тогда какъ именно въ утро этого дня врачъ не могъ достигнуть хотя малаго увлаженія кожи, горѣвшей сухимъ жаромъ, мокрыми полотенцами натирая тѣло болящаго. Тогда врачъ прямо при-

зналъ это событіе, этотъ кризисъ болѣзни *нежданнымъ, необычайнымъ* и поистинѣ *чудеснымъ*.

Съ тѣхъ поръ о. М. быстро началъ выздоравливать и вскорѣ могъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Прибавимъ къ этому, что о. М. во все время своей болѣзни усердно молился св. великомученику о своемъ исцѣленіи, а въ то время, когда изображеніе угодника Божія лежало на груди болящаго, послѣдній усилилъ свои молитвы и въ полузабытьи, но явственно, не столько тѣлесными очами, сколько мысленно, духовно, не одинъ разъ видѣлъ св. Пантелеимона и слышалъ отъ него гласъ, обѣщавшій ему исцѣленіе.

5) Въ бытность мою, въ томъже декабрѣ 1881 года, въ Улалѣ, тамошняя жительница, инородческая дѣвица Мавра, давно уже болѣвшая грудью, такъ что у ней образовались на груди раны,—видѣла во снѣ, что ея родители подняли къ себѣ въ домъ изъ церкви икону великомученика, которую и несутъ съ обычнымъ благолѣпіемъ, въ сопровожденіи священника, а самъ св. Пантелеимонъ какъ-бы живой идетъ впереди иконы, въ бѣлой и блестящей одеждѣ. Пришедши въ домъ, великомученикъ самъ налилъ въ ведро воды и велѣлъ Маврѣ этою водой мочить ея больную грудь, обѣщая чрезъ это исцѣленіе. Пробудившись отъ сна, дѣвица Мавра разсказала своимъ домашнимъ о бывшемъ ей сновидѣніи. Присутствовавшая при этомъ одна благочестивая старушка посовѣтовала Маврѣ отслужить великомученику молебенъ съ водосвятіемъ и освященною водой мазать себѣ грудь. Мавра послушала, водосвятный молебенъ въ церкви отслужила и принесла домой св. воды. Но родные начали подсмѣиваться надъ ней, что вотъ-де „наша Мавра—святая, ей являются угодники Божіи,“ при чемъ совѣтовали ей лучше сходить за лекарствомъ для боль-

ной груди къ фельдшеру. Упала духомъ легковѣрная дѣвушка, не стала лечиться св. водой, а пошла къ фельдшеру, который далъ ей какую-то мазь; но лекарство это не принесло никакой пользы. Вскорѣ опять ей въ сонномъ видѣніи явился св. Пантелеимонъ и приказалъ св. водой мазать больную грудь. Мавра опять разсказала свой сонъ роднымъ, и снова посыпались насмѣшки и совѣты обратиться уже не къ фельдшеру, а къ какой-то знахаркѣ. Малодушная Мавра и на этотъ разъ не выдержала: пошла къ знахаркѣ, получила отъ нея лекарство, послѣ употребленія котораго болѣзнь ея еще болѣе усилилась. Тогда Мавра, уже не слушая насмѣшекъ и легкомысленныхъ совѣтовъ, отправилась въ церковь, отслужила великомученику молебенъ съ водосвятіемъ, взяла домой освященной воды и начала съ вѣрою и молитвою мазать этою водой свою больную грудь. Чрезъ недѣлю раны на груди дѣвушки закрылись, и она съ того времени совершенно выздоровѣла.

Являетъ св. Пантелеимонъ чудесную помощь свою и миссіонерамъ алтайскимъ, въ дѣлѣ обращенія ими ко Христу невѣрующихъ. Приведу хотя одинъ такой случай. Миссіонеръ Чулышманскаго отдѣленія, природный калмыкъ священникъ о. Михаилъ Ч—въ, долго убѣждалъ одного язычника-алтайца принять св. крещеніе, но тотъ все колебался и отказывался. Однажды этотъ алтаецъ неожиданно пріѣзжаетъ къ о. Михаилу, уже по прошествіи многихъ мѣсяцевъ со времени послѣдняго съ нимъ свиданія, и проситъ немедленно крестить его. Обрадованный миссіонеръ спрашиваетъ алтайца: что его побудило послѣ столькихъ колебаній и отказовъ самому и издалека пріѣхать за крещеніемъ? Калмыкъ разсказываетъ, что ему много разъ во снѣ являлась икона св. великомученика Пантелеимона, сіяющая необыкновеннымъ

свѣтомъ, и отъ этой иконы слышался голосъ, повелѣвавшій калмыку креститься. Голосъ этотъ былъ такъ ласковъ и убѣдителенъ, что наконецъ растрогалъ сердце доселѣ колебавшагося язычника и подвигнулъ его къ окончательному рѣшенію принять св. крещеніе. При этомъ калмыкъ умолялъ о. Михаила дать ему и икону св. Пантелеимона. Миссіонеръ вынесъ изъ другой комнаты недавно пріобрѣтенный имъ въ Улалѣ образъ Великомученика, писанный на дскѣ. При видѣ этого изображенія, калмыкъ упалъ на колѣни и сказалъ, съ умиленіемъ цѣлуя образъ, что *онъ самый и видѣлся ему во снѣ.* Калмыкъ былъ немедленно крещенъ, а икона страстотерпца вручена ему въ благословеніе. Новопросвѣщенный христіанинъ сшилъ сумку, вложилъ въ нее икону своего небеснаго просвѣтителя и повѣсивъ эту сумку себѣ на грудь, поверхъ одежды, радостный и духовно-торжествующій, отправился домой. Онъ послѣ объявилъ о. миссіонеру, что, во время пути его въ родную юрту, многіе встрѣчавшіеся ему инородцы-язычники съ удивленіемъ останавливали его и говорили, что они еще издалека видѣли на груди его какъ будто золотую доску, блестѣвшую на солнцѣ необыкновеннымъ сіяніемъ. На пути новокрещеный заѣхалъ въ юрту своего знакомаго калмыка-язычника, жена котораго трое уже сутокъ мучилась въ родахъ,—и лишь только новокрещеный съ иконою чудотворца на груди вошелъ въ юрту и, вынувъ св. икону изъ сумки, осѣнилъ ею больную, —страдалица тотчасъ же благополучно разрѣшилась. Подобные же случаи чудодѣйственной помощи при трудныхъ родахъ некрещенныхъ калмычекъ, чрезъ эту же самую св. икону, вскорѣ повторились одинъ за другимъ нѣсколько разъ. Слухи о томъ быстро разнеслись между язычниками; многіе изъ нихъ нарочно пріѣзжали посмотрѣть и покло-

ниться св. иконѣ, а нѣсколько семействъ, получившихъ чудную помощь великомученика, тогда же приняли св. крещеніе.

Вообще многомилостивый чудотворецъ обильною струею источаетъ на Алтаѣ благодать исцѣленій и чудной помощи нуждающимся въ разнообразныхъ случаяхъ. При миссіи ведется запись подобнымъ дивнымъ явленіямъ небесной благодати, — а сколько еще остается такихъ явленій неизвѣстными и не записанными!..

По всему этому весь христіанскій Алтай и православные жители сосѣднихъ съ нимъ округовъ питаютъ особенное благоговѣніе къ св. Пантелеимону и въ лѣтнее время издалека стекаются въ Улалу тысячи богомольцевъ. Алтайскіе христіане считаютъ угодника Божія своимъ покровителемъ. Въ каждомъ домѣ, въ каждой юртѣ крещенаго алтайца непремѣнно есть икона св. Пантелеимона. Больные берутъ масло отъ неугасимой лампады, горящей въ Улалинской церкви предъ иконою и мощами Цѣлителя и получаютъ исцѣленіе въ болѣзняхъ. Масла этого нерѣдко требуютъ для болящихъ и въ отдаленныя отъ Алтая мѣста, и слышно, что и тамъ обильно проявляется дивная помощь угодника Христова.

Въ 7 верстахъ отъ Улалы находится *женскій Николаевскій миссіонерскій монастырь*, въ которомъ сохраняются также высокочтимыя на Алтаѣ и по сосѣдству съ нимъ святыни,—именно *икона Божіей Матери Споручницы грѣшныхъ и икона св. Николая Мѵрликійскаго чудотворца.*

Поучительна исторія основанія алтайской женской обители. Первая мысль объ учрежденіи на Алтаѣ, въ помощь миссіонерамъ, общества женъ и дѣвицъ, живущихъ въ безбрачіи и поставившихъ себѣ святымъ обѣтомъ служить при крещеніи новопросвѣщеннымъ женщинамъ.

учить ихъ домашнему хозяйству, а дѣтей ихъ грамотѣ, лечить больныхъ и т. п., словомъ мысль о возстановленіи, хотя въ маломъ видѣ, древне-христіанскаго общества *діакониссъ*,—первая мысль объ этомъ принадлежитъ покойному основателю миссіи архимандриту Макарію. Онъ не только горячо желалъ осуществленія этого благаго учрежденія, но и ходатайствовалъ о томъ предъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, а также писалъ о женскомъ миссіонерскомъ братствѣ на Алтаѣ многимъ благочестивымъ особамъ въ Москву, Тобольскъ и другіе города. По его приглашенію даже прибыла изъ Москвы въ Улалу одна боголюбивая и самоотверженная дѣвица изъ образованнаго класса, г-жа Софія В., и нѣсколько лѣтъ съ пользою потрудилась для миссіи. Въ письмахъ своихъ къ разнымъ лицамъ, напечатаннымъ въ 1860 году въ двухъ томахъ, о. Макарій подробно развивалъ цѣль, обязанности и пользу названнаго общества. Но при жизни его не суждено было осуществиться этому обществу. Уже при его преемникѣ по настоятельству въ миссіи, протоіереѣ Стефанѣ Васильевичѣ Ландышевѣ, нѣсколько благочестивыхъ инородческихъ дѣвицъ, желавшихъ проводить безбрачную жизнь, соединились вмѣстѣ и жили въ одномъ домѣ въ Улалѣ въ подвигахъ поста, молитвы и труда. Это было въ 1857 году, — и малое собраніе дѣвственницъ послужило зерномъ для возросшей впослѣдствіи въ благоплодное дерево св. обители. Собравшіяся въ одну семью подвижницы не составляли сперва офиціально признанной общины, а жили подобно извѣстнымъ во многихъ мѣстахъ Россіи и Сибири такъ называемымъ *черничкамъ*, хотя и подъ наблюденіемъ и руководствомъ начальника миссіи. Въ 1860 году прибылъ въ Улалу Барнаульскій купецъ, Аѳанасій Григорьевичъ Мальковъ, не задолго предъ тѣмъ сдѣлавшійся одино-

кимъ и рѣшившiйся посвятить остатокъ дней своихъ и скопленный торговлею небольшой капиталъ на какое-нибудь богоугодное дѣло. Онъ привезъ съ собою, съ намѣренiемъ пожертвовать для миссiи, полученную имъ изъ Москвы копiю съ извѣстной чудотворной иконы Царицы небесной, *Споручницы грѣшныхъ*. Помолившись въ Улалинской церкви, г. Мальковъ пошелъ къ начальнику миссiи, прот. С. В. Ландышеву. Въ разговорѣ съ послѣднимъ рѣчь коснулась, между прочимъ, необходимости учрежденiя на Алтаѣ правильной и законно-утвержденной женской общины. Мальковъ весьма сочувственно отнесся къ этому вопросу. Да и въ миссiи давно уже созрѣло намѣренiе приступить къ осуществленiю этого святаго дѣла. Оставалось еще не рѣшеннымъ: гдѣ именно открыть общину и откуда взять средства для ея устройства? По желанiю г. Малькова,—слѣдуя обычаю между благочестивыми людьми, издревле существующему,—при затрудненiяхъ, неразрѣшаемыхъ собственными соображенiями, съ полною вѣрою слушаться указанiя свыше,—начальникъ миссiи, вмѣстѣ съ Мальковымъ,—послѣ усердной молитвы предъ иконою „Споручницы",—прибѣгли къ жребiю для указанiя мѣста будущей общины. Написаны были три билетика съ именами урочищъ на Алтаѣ: *Улалы, Чемала* и *Телецкаго озера*. Два раза сряду жребiй указывалъ *Улалу*. Такимъ образомъ было рѣшено: здѣсь основать женскую общину, если Богъ благословитъ дѣло, и оставить тутъ въ священный залогъ привезенную икону „Споручницы". На другое утро икона эта, встрѣченная съ крестомъ и хоругвями, была внесена въ церковь, гдѣ отслуженъ молебенъ, при стеченiи въ храмъ и вокругъ него всего улалинскаго населенiя, съ чрезвычайною радостiю торжествовавшаго этотъ день. Относительно же матерiальныхъ средствъ рѣшено было возложить упова-

ніе на Господа Бога и Царицу небесную.—Глубоко заинтересованный и принявшій сердечное участіе въ дѣлѣ предположенной общины, купецъ Мальковъ отправился въ Бійскъ. Тамъ онъ встрѣтился съ только что возвратившимися изъ Петербурга,—гдѣ были по дѣламъ миссіи,—алтайскимъ миссіонеромъ, іеромонахомъ Іоанномъ и его сотрудникомъ, рясофорнымъ монахомъ Михаиломъ *). Оба эти инока передали Малькову подробно о томъ сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена высшими духовными и свѣтскими лицами въ столицѣ высказанная имъ отцами Іоанномъ и Михаиломъ мысль объ основаніи на Алтаѣ женской общины и, кромѣ того, и мужскаго миссіонерскаго монастыря. Изъ этого сочувствія высокопоставленныхъ лицъ было несомнѣнно видно, что, при первомъ представленіи, община будетъ утверждена. Но все-таки нужно было начать дѣло съ особенною энергіею, —дѣло, сопряженное съ хлопотами, издержками, неизбѣжными разъѣздами и въ Томскъ къ епархіальному начальству и, можетъ быть, даже въ столицы. Кому взяться за это дѣло? А взяться нужно человѣку свободному и готовому на перенесеніе трудовъ и непріятностей, безъ которыхъ не совершается ни одно доброе дѣло. Малькову очень хотѣлось приняться за это,—но въ тоже время въ немъ явилось и колебаніе, недоумѣніе: достоинъ ли онъ самъ-то взяться за такой подвигъ? Будетъ ли это угодно Богу?.. Начальникъ миссіи, пріѣхавшій въ тоже время въ Бійскъ, вмѣстѣ съ оо. Іоанномъ и Михаиломъ и съ Мальковымъ рѣшили и въ этомъ недоумѣнномъ случаѣ положиться на жребій. Сдѣлали билетики, окропили ихъ св. водою, положили

*) О. Михаилъ Невскій, нынѣ архимандритъ Макарій. О немъ уже сказано было выше въ настоящей статейкѣ.

на престолъ, прочитали акаѳистъ Божіей Матери. съ прилежною молитвою, чтобы Она благоволила сама вразумить ихъ и указать имъ волю Божію... Жребій указалъ: „Малькову взяться за дѣло.“ Тогда, уже съ полною вѣрою къ призванію, Аѳанасій Григорьевичъ даетъ обѣтъ: неотступать, употребить всѣ старанія, приложить всѣ, возможные ему. труды и пожертвовать частію своего состоянія на благое дѣло. Тотчасъ было составлено письмо къ тогдашнему преосвященному Томскому Порфирію *) съ просьбою принять участіе въ открытіи общины. Отвѣта не послѣдовало на это письмо никакого. Тогда Мальковъ самъ поспѣшилъ въ Томскъ, гдѣ лично объяснилъ преосвященному все дѣло. и владыка обѣщалъ помогать. Мальковъ возвратился въ Улалу. Здѣсь взята была подписка отъ вышеупомянутыхъ дѣвицъ-колмычекъ, что онѣ уже три года просятъ и желаютъ составить общину и, чувствуя глубокое сожалѣніе о слѣпотѣ некрещеныхъ своихъ родственниковъ, имѣютъ твердое намѣреніе употребить всю свою жизнь на способствованіе миссіи въ ея трудахъ,—при чемъ избираютъ Малькова попечителемъ будущей общины. Старѣйшіе и почетнѣйшіе изъ крещеныхъ инородцевъ дали отъ себя приговоръ въ томъ, что подъ помѣщеніе общины пожертвуютъ собственную землю. Съ этими документами Мальковъ, въ 1861 году, поѣхалъ въ Москву и въ Петербургъ. Тамъ онъ принялся хлопотать не только объ открытіи на Алтаѣ женской общины, но и мужскаго миссіонерскаго монастыря. Въ Москвѣ съ особеннымъ сочувствіемъ и милостивымъ вни-

---

*) Епископъ Порфирій управлялъ Томскою епархіею съ 1860 по 1864 г. Ранѣе былъ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московскимъ, а потомъ Уфимскимъ. Скончался въ Томскѣ въ іюнѣ 1865 года, бывши уже уволеннымъ на покой.

маніемъ отнесся къ дѣлу Малькова приснопамятный святитель Московскій Филаретъ, снабдившій алтайскаго ходока письмомъ къ синодальному оберъ-прокурору. Въ Петербургѣ, куда явился Мальковъ, вопросъ объ общинѣ и монастырѣ былъ принятъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ и вниманіемъ высшей духовной власти и многихъ значительныхъ лицъ. Затребованы были св. Синодомъ отъ Томскаго преосвященнаго дополнительныя по дѣлу свѣдѣнія; но изъ Томска болѣе *полуторыхъ лѣтъ* не было на это требованіе никакого отвѣта, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, нерасположенія, пререкательствъ, исходившихъ на мѣстѣ отъ тѣхъ лицъ и мѣстъ, отъ которыхъ много зависѣло то или другое рѣшеніе начатаго дѣла. Мальковъ вынужденъ былъ самъ поѣхать въ Томскъ, гдѣ и началъ дѣйствовать еще съ большимъ жаромъ и настоятельностію. На этотъ разъ хлопоты неутомимаго попечителя будущей общины увѣнчались успѣхомъ: онъ получилъ благопріятный отзывъ гражданскаго начальства, а также и алтайскаго горнаго вѣдомства о чрезвычайной пользѣ для края учрежденія въ Алтаѣ мужской и женской обители и о возможности отвесть подъ обѣ обители потребныя мѣста; запасся свидѣтельствомъ отъ общества новокрещеныхъ объ избраніи Малькова и довѣріи ему ходатайства, — планами, фасадами для будущихъ зданій, — спискомъ пожертвованій денежныхъ и матеріальныхъ, какъ уже произведенныхъ, такъ и обѣщанныхъ благотворителями, въ основаніе и поддержаніе предположенныхъ учрежденій;—при чемъ присовокупилъ и собственное обязательство пожертвовать значительную сумму. Со всѣми этими документами Мальковъ, въ 1863 году, вторично прибылъ въ Петербургъ,—и тогда дѣло его приняло благопріятный ходъ. По сношенію Кабинета Его Величества съ Горнымъ вѣдомствомъ и гене-

ралъ-губернаторомъ Западной Сибири. Высочайше даровано 6400 дес. земли подъ женскую общину и 3000 десят. подъ мужской монастырь. Самыя община и монастырь, по представленію св. Синода, Высочайше разрѣшены и утверждены, а въ Бозѣ почивающая Государыня Императрица Марія Александровна приняла оба эти учрежденія подъ свое особое милостивое покровительство. Мѣсто для женской общины было избрано въ 7 вер. отъ Улалы. Тамъ построенъ небольшой храмъ, нѣсколько келлій и службъ и въ томъ же 1863 году дѣвицы-подвижницы перешли въ новую общину, первою настоятельницею которой, съ разрѣшенія св. Синода, назначена была изъявившая на то свое согласіе, опытная въ духовной жизни старица, монахиня Ардатовскаго Покровскаго монастыря Анастасія Семеновна, бывшая ученица о. Серафима Саровскаго. Съ каждымъ годомъ въ новооткрытой общинѣ все болѣе и болѣе увеличивалось число сестеръ, и обитель ревностно содѣйствовала успѣху трудовъ миссіи. Въ началѣ 1881 года община эта переименована въ женскій общежительный миссіонерскій монастырь.

Въ бытность мою въ Улалѣ, мнѣ трижды привелось посѣтить алтайскую женскую обитель, и всякій разъ я выносилъ изъ нея самыя свѣтлыя, отрадныя впечатлѣнія. Въ первый разъ я былъ въ обители вмѣстѣ съ преосвященнѣйшимъ Владиміромъ, бывшимъ начальникомъ миссіи. Владыка, взявши и меня съ собою, 6 ноября 1881 года, въ 9 часовъ утра, отправился изъ Улалы, а чрезъ полчаса мы уже подъѣзжали къ монастырю. Торжественный звонъ монастырскихъ колоколовъ, звучно раздававшійся въ чистомъ воздухѣ холоднаго, зимняго дня, привѣтствовалъ высокаго гостя. Пріютившійся среди неширокой долины, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими,

лѣсистыми горами, этотъ небольшой монастырь, обнесенный деревянною оградой и вмѣщающій деревянную церковь, имѣетъ скромный, но весьма привѣтливый видъ. Здѣсь все дышетъ пустынею, миромъ и безмятежіемъ. Самый наружный видъ убогой деревянной обители напоминаетъ о древнемъ иночествѣ, созидавшемся не на вещественномъ камнѣ и богатствѣ земномъ, а на незыблемомъ камнѣ вѣры и на почвѣ, обильно политой слезами и пòтомъ подвижниковъ Христовыхъ. Вотъ архипастырь-миссіонеръ входитъ во св. врата скромной обители дѣвственницъ. Встрѣча ему была уготована въ теплой монастырской церкви, помѣщающейся въ главномъ корпусѣ, близъ трапезы. Стройное, мелодическое пѣніе: *Достойно есть яко воистину*... привѣтствовало входящаго во храмъ святителя. Пѣвческій хоръ въ обители довольно большой и весьма хорошо обученъ. Въ немъ кромѣ сестеръ участвуютъ и дѣвочки, монастырскія пансіонерки. Я взглянулъ вокругъ себя. Тамъ въ алтарѣ, у престола Божія, колѣнопреклоненно молится архипастырь. Здѣсь, во храмѣ, сонмъ сестеръ обители въ темныхъ одеждахъ, преклонившись долу, соединяетъ свои молитвы съ молитвами архіерея. Невольно преклонились и мои колѣна... Ангелъ молитвы носился въ убогомъ храмѣ. На лицахъ сестеръ, изъ которыхъ большая половина была калмычки, видѣлось глубокое благоговѣніе, и всѣ эти лица дышали скромностію, кротостію и безмятежнымъ спокойствіемъ. Глядя на инокинь-калмычекъ, невольно думалось: что было бы съ этими невѣстами Христовыми, еслибъ онѣ оставались въ своихъ родныхъ юртахъ некрещеными? О, какое благодѣтельное, спасительное учрежденіе для человѣчества христіанскія миссіи, возрождающія къ новой духовной жизни столько тысячъ душъ, блуждающихъ въ погибельной тьмѣ невѣдѣнія

истиннаго Бога! И какъ достойны вѣчной памяти и благодарности добрые люди, послужившіе своими трудами, пожертвованіями и вліяніемъ дѣлу учрежденія на Алтаѣ женской обители!

Послѣ обычнаго многолѣтія и цѣлованія св. креста, преосвященный обратился къ сестрамъ съ слѣдующею (приблизительно воспроизвожу начало экспромта владыки) рѣчью: „Настала зима. Пчелки собрались въ свои ульи *). Вотъ и вы, послѣ многотрудныхъ лѣтнихъ и осеннихъ работъ въ полѣ, собрались на зиму въ ограду вашей св. обители. Отдыхать ли вы собрались сюда? Нѣтъ, сестры, опять работать. Пчелки пусть отдыхаютъ, а вы—разумныя пчелки; потому вамъ нужно работать безустанно, и не тѣломъ только, а главное—душею и сердцемъ. Тяжелыя полевыя, тѣлесныя работы вы окончили; займитесь теперь, на свободѣ отъ трудныхъ тѣлесныхъ работъ, не менѣе трудною, но болѣе важною работой надъ вашимъ сердцемъ и душею, посвященными всецѣло небесному Жениху, Господу Іисусу.“ Далѣе, живымъ потокомъ полилась рѣчь архипастыря, вполнѣ привести которую я не въ силахъ. Владыка говорилъ долго. Сестры внимательно и многія со слезами слушали слово своего высокочтимаго начальника и отца. Изъ теплаго храма преосвященный, въ сопровожденіи настоятельницы и сестеръ обители, прошелъ въ придѣлъ главнаго храма обители. Въ этомъ придѣлѣ погребены приснопамятные для обители: схимонахиня Аѳанасія,— строгая подвижница; монахиня Ольга, бывшая настоятельница, и служившій при общинѣ духовникомъ, свя-

*) Замѣтимъ, что сестры обители, въ обширныхъ размѣрахъ, занимаются пчеловодствомъ, составляющимъ главнѣйшій источникъ содержанія обители.

щенникъ Стефанъ Поповъ, родитель преосвященнаго Владиміра*). Здѣсь монастырскимъ священникомъ, при пѣніи сестеръ, отслужена литія по вышеозначеннымъ усопшимъ. Преосвященный съ горячими сыновними слезами молился надъ могилою своего родителя, котораго имѣлъ въ свое время печальное утѣшеніе отпѣть и погребсти**). Отсюда владыка вмѣстѣ со всѣми нами, сопровождавшими его, отправился въ помѣщеніе завода восковыхъ свѣчъ, занимающее три комнаты. Работаютъ исключительно сестры обители. Преосвященный внимательно осматривалъ всѣ работы, подавая при этомъ весьма практичные совѣты и наставленія. Заводъ устроенъ по мысли преосвященнаго Владиміра, который и вызвалъ для этого опытную монахиню изъ Москвы. Свѣчами здѣшняго завода снабжается большая часть церквей Бійскаго, Кузнецкаго и Барнаульскаго округовъ Томской губерніи, что приноситъ нѣкоторый доходъ монастырю. Затѣмъ архипастырь кушалъ чай у настоятельницы и вскорѣ отбылъ въ Улалу, напутствуемый благожеланіями подвижницъ Христовыхъ.

Второе мое посѣщеніе миссіонерской женской обители 21 ноября того же 1881 года, также весьма памятно

---

*) Названный придѣлъ сооруженъ преосв. Владиміромъ и братомъ его, алтайск. миссіонеромъ, игуменомъ Антоніемъ, въ память ихъ родителя іерея Стефана.

**) Родитель преосв. Владиміра былъ донской казакъ, не мало послужившій въ этомъ званіи царю и отечеству, а потомъ поступившій въ причетники. Своими трудами и заботами онъ умѣлъ дать прекрасное воспитаніе своимъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ (преосв. Владиміръ) достигъ архіерейскаго сана, а другой (о. Антоній) нынѣ игуменъ. Въ послѣдствіи, уже въ томской епархіи, этотъ почтенный старецъ рукоположенъ былъ во священника къ женской общинѣ на Алтаѣ Онъ пользовался искреннею любовію и уваженіемъ сестеръ обители, на пользу которой посвятилъ остатокъ своей жизни. Печальна была кончина о. Стефана: однажды онъ отправляясь въ Улалу по дѣламъ обители, былъ разбитъ до смерти конями, противъ самыхъ вратъ монастыря. На мѣстѣ его убіенія сыновья его воздвигли каменный памятникъ съ крестомъ.

для меня: въ этотъ день я тамъ удостоился отслужить литургію, въ качествѣ сослужащаго помощнику начальника миссіи, о. архимандриту Макарію. Въ тотъ день въ обители было духовное торжество: облеченіе сестеръ въ иноческое одѣяніе, по случаю совершившагося тогда преобразованія общины въ монастырь. Литургія совершалась торжественно, большею частію на алтайскомъ языкѣ. Настоятельница и сестры были причастницами Св. Таинъ. По заамвонной молитвѣ, о. архимандритъ произнесъ поученіе о знаменательности для сестеръ настоящаго дня, о духовномъ значеніи возложенныхъ на нихъ иноческихъ одеждъ, о важности и трудности обѣтовъ монашества и высокой наградѣ, ожидающей на небесахъ тѣхъ, которые потщатся всю свою жизнь строго исполнять эти великіе обѣты. Послѣ краткаго отдыха, въ кельяхъ настоятельницы собраны были всѣ сестры, и послѣдовало для нихъ чтеніе изъ книги „Добротолюбіе“, въ русскомъ переводѣ преосвященнаго Ѳеофана. Читалъ самъ о. архимандритъ, сопровождая чтеніе объясненіями и приличными мѣсту и слушательницамъ наставленіями. Чтеніе смѣнялось прекраснымъ пѣніемъ сестрами духовныхъ гимновъ изъ книги „Лепта“, сочиненія блаженной памяти основателя миссіи, о. Макарія. Глубоко-религіозный смыслъ этихъ вдохновенныхъ гимновъ подвижника вѣры Христовой, и мелодическіе, дышащіе грустью о небесной отчизнѣ, напѣвы чрезвычайно трогаютъ сердце и всегда, но въ этотъ памятный день пѣніе гимновъ о. Макарія, какъ для слушавшихъ, такъ и для пѣвшихъ ихъ было особенно трогательно и знаменательно,—такъ какъ всѣмъ невольно приходило на мысль, что въ день этотъ вполнѣ осуществилось желаніе о. Макарія имѣть на Алтаѣ обитель женъ и дѣвъ подвижницъ. Обитель основана, изъ общины переимено-

вана въ монастырь, сестры облечены въ монашескія одежды. Невольно чувствовалось и вѣрилось, что почившій апостолъ Алтая съ горней высоты благословляетъ столь желанное имъ во время его земной жизни. а нынѣ осуществившееся на дѣлѣ, святое и полезное учрежденіе.

Въ третій разъ я посѣтилъ обитель 6 декабря тогоже года, въ престольный праздникъ въ честь святителя Николая, въ главной монастырской церкви. Въ этотъ день также съ о. архимандритомъ я сподобился служить въ обители. Стеченіе народа, несмотря на сильный морозъ, было весьма значительное. Ранняя обѣдня совершалась въ холодной церкви, а поздняя въ теплой, соборнѣ.

Въ монастырѣ заведено строгое общежитіе. Сестеръ болѣе 100. Очень много желающихъ (особенно изъ новокрещеныхъ дѣвицъ) посвятить себя иноческой жизни ежегодно приходятъ въ обитель съ просьбою принять ихъ; но имъ приходится отказывать единственно по тѣснотѣ помѣщенія въ обители. Монастырскія сестры ведутъ труженическую жизнь, буквально въ потѣ лица добывая себѣ хлѣбъ. Кромѣ обычныхъ женскихъ рукодѣлій, самыхъ простыхъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту обители. онѣ сами безъ помощи наемныхъ людей работаютъ на двухъ большихъ монастырскихъ пасѣкахъ, на сѣнокосѣ, на пашнѣ и въ огородахъ. Жалованья отъ казны монастырь не получаетъ, а имѣетъ только небольшую субсидію отъ миссіи (около 100 руб. въ годъ). Затѣмъ обитель пользуется доходами отъ богомольцевъ, за служеніе молебновъ, заказныя обѣдни и т. п. При монастырѣ есть штатный священникъ, а клиросное послушаніе исполняютъ сестры. Богослуженіе совершается ежедневно самими сестрами, а литургія бываетъ кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, три или четыре раза въ недѣлю. Въ обители есть пансіонъ для дѣвочекъ-сиротъ

новокрещеныхъ родителей. Дѣти обучаются грамотѣ, рукодѣлью и пріучаются къ домашнему хозяйству и сельскимъ работамъ. Ежегодно къ главному монастырскому празднику, въ честь св. Николая Мурликійскаго (9 мая), въ обитель стекается до 6,000 богомольцевъ съ Алтая и сосѣднихъ округовъ, для поклоненія многочтимымъ иконамъ Богоматери и св. Николая. Издалека идутъ богомольцы сюда и въ Улалу, къ великомученику Пантелеимону; часто бываютъ поклонники даже изъ Семирѣчья и изъ Енисейской губерніи. Икона Царицы небесной—Споручницы грѣшныхъ и храмовая святителя Николая, находящіяся въ женской обители, почитаются въ томъ краѣ чудотворными. Во всякое время года, даже зимою, можно встрѣтить въ обители богомольцевъ изъ дальнихъ мѣстъ.

По преданію алтайскихъ христіанъ, покойный первоначальникъ миссіи о. Макарій предсказывалъ, что со временемъ „на Алтаѣ будетъ свой архіерей и что Алтай прославится великою святыней.“ Предсказаніе подвижника Христова исполнилось въ наши дни: на Алтаѣ есть дѣйствительно свой архіерей: епископъ бійскій, а великія святыни алтайскія, перечисленныя въ настоящемъ очеркѣ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе прославляются въ нашемъ отдаленномъ краѣ. *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса... Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ...*

Познакомивъ читателей съ многочтимыми на Алтаѣ святынями, предлагаю здѣсь и нѣсколько очерковъ изъ прошлаго и настоящаго быта Алтайской духовной миссіи, въ полномъ упованіи, что сообщаемое мною будетъ не безинтересно, а главнѣе всего не безназидательно для всякаго добраго христіанскаго сердца. Все сообщаемое мною слышано отъ оо. миссіонеровъ алтайскихъ, или видѣно и испытано лично и въ свое время записано въ мой страннический дневникъ.

II.

Дивные пути Промысла Божія въ обращеніи язычниковъ къ христіанству.

Алтай великолѣпенъ, какъ Аѳонъ („Душ. Чт.", апрѣль 1864 г., ст. „Алтайская миссія").

Многіе писатели и неписатели, бывавшіе на Алтаѣ, называютъ этотъ, дѣйствительно прекрасный, уголокъ Сибири, *Сибирскою Швейцаріей*. Но мнѣ кажется, что вышеприведенный эпиграфъ будетъ несравненно ближе къ истинѣ, нежели сравненіе съ Швейцаріей, если, кромѣ внѣшняго, по красотамъ природы, сходства между Аѳономъ и Алтаемъ, принять въ соображеніе ихъ сходство духовное, которое мы усматриваемъ въ слѣдующемъ:

На *св. Аѳонѣ* день и ночь неустанно возносится съ его живописныхъ горъ и долинъ, изъ непроходимыхъ дебрей и глубокихъ пещеръ, славословіе Богу единому отъ десятковъ тысячъ устъ и сердецъ иноковъ-пустынниковъ, и славится имя Господне отъ Аѳона всюду въ православномъ мірѣ. Въ горахъ и дебряхъ *Алтая,* чрезъ посредство немногихъ проповѣдниковъ Евангелія, по жизни своей въ дикомъ, пустынномъ краѣ, среди полудикаго народа, уподобляющихся пустынникамъ, великое имя Бога единаго также возносится и славословится, и не только въ предѣлахъ Алтая, среди нѣсколькихъ де-

сятковъ тысячъ бывшихъ язычниковъ, но и далеко за гранью его, ибо благовѣстіе Христово съ Алтая проникло и въ сосѣднюю съ нимъ Киргизскую степь, сотни лѣтъ дремавшую во тмѣ магометанства *), и въ тоже время озаряетъ своимъ благодатнымъ свѣтлымъ лучемъ и смежныя съ Алтаемъ русскія поселенія, жители которыхъ приходятъ молиться въ обителяхъ и храмахъ Алтая.— *Съ Аѳона* для св. Руси сіяетъ великими чудесами и знаменіями благодати Божіей великомученикъ и *цѣлебникъ Пантелеимонъ*. Этотъ же угодникъ Христовъ дивно прославился благодатными знаменіями и *на Алтаѣ*, а отъ него и въ сосѣднихъ областяхъ обширной части нашего отечества, страны Сибирской.—По трогательному преданію православнаго міра, Царица небесная избрала *Аѳонскую гору* своимъ земнымъ жребіемъ и являетъ въ ней, чрезъ множество чудотворныхъ иконъ своихъ, многочисленныя чудеса и знаменія. По сердечному вѣрованію алтайскихъ христіанъ, Матерь Божія и *Алтайскія горы* приняла подъ свое особенное покровительство, и хранитъ ихъ своимъ многомощнымъ предстательствомъ у престола своего возлюбленнаго Сына.

Вотъ въ чемъ и съ какими горами сходствуютъ горы Алтайскія. *Аѳонъ и Алтай*—поистинѣ *горы Божіи*. А что намъ Швейцарія?.. Тамъ уже чрезмѣрно возобладалъ духъ князя міра сего: тамъ пристанище и убѣжище всѣхъ анархистовъ, нигилистовъ, соціалистовъ, террористовъ, цареубійцъ и прочаго отродія антихристова. Тихій и пустынный Алтай даже стыдится сравненія съ Швейцаріей, пресловутою землей мнимой свободы. Да мимо идетъ отъ Алтая

*) Съ 1882 г. для миссіонерскихъ дѣйствій въ Киргизской степи открыто при Алтайской миссіи особое отдѣленіе и назначенъ опытный миссіонеръ изъ миссіонеровъ алтайскихъ, имѣющій резиденцію свою въ г. Семипалатинскѣ.

Швейцарія съ ея внѣшними красотами и внутреннимъ безобразіемъ!

На Алтаѣ, какъ и на Аѳонѣ, нерѣдко проявляются дивные случаи промышленія Божія о спасеніи человѣка. На Аѳонѣ подобные случаи относятся преимущественно къ инокамъ и вообще къ христіанамъ, а на Алтаѣ главнымъ образомъ къ язычникамъ. Нѣсколько такихъ трогательныхъ и поучительныхъ случаевъ, разсказы о которыхъ я слышалъ отъ оо. миссіонеровъ, привожу здѣсь.

Одна молодая дѣвица калмычка *) тайно, чрезъ вѣрныхъ людей, извѣстила миссіонера іеромонаха Смарагда, что она желаетъ принять крещеніе, но не иначе, какъ чтобы онъ самъ за ней пріѣхалъ, увезъ и крестилъ въ церкви и все это устроилъ бы такъ, чтобы родители ея о томъ не знали, иначе они воспрепятствуютъ ея намѣренію. Несмотря на затруднительность и даже, при дикости Калмыковъ, небезопасность подобнаго похищенія дѣвушки, о. Смарагдъ, желая спасти гибнущую душу, рѣшился поѣхать въ то мѣсто, гдѣ жила желающая креститься. Пріѣхалъ. Въ окрестностяхъ разнеслась вѣсть, что ѣдетъ *большой попъ* (такъ Калмыки зовутъ высшее духовное лицо), предполагая въ данномъ случаѣ начальника миссіи, для котораго требуются лошади. Всѣ кинулись за лошадьми, а съ ними и отецъ дѣвицы и прочіе родствен-

*) Коренные жители Алтая, среди которыхъ дѣйствуетъ Алтайская духовная миссія, по происхожденію суть монголо-татары, и слывутъ болѣе подъ именемъ Калмыковъ. Вѣроисповѣданія языческаго,—смѣсь шаманства съ ламаизмомъ и даже фетишизмомъ. Жизнь ведутъ бродячую, занимаются преимущественно скотоводствомъ и звѣроловствомъ. Живутъ въ юртахъ покрытыхъ древесною корой или вѣтвями, рѣдко войлокомъ. Калмыки лѣнивы, крайне нечистоплотны и склонны къ пьянству, чѣмъ прекрасно умѣютъ пользоваться торговцы изъ русскихъ. Но вообще это народъ простой, безхитростный, добродушный и весьма воспріимчивый къ евангельскому ученію. Крестившись и поселившись осѣдло, Калмыки легко дѣлаются благочестивыми христіанами и хорошими работниками и хозяевами

ники. Пользуясь этимъ, дѣвица вышла и просила, чтобы ее скорѣе везли. Быстро сѣли на лошадей: миссіонеръ съ толмачемъ на одну, а дѣвица на другую и поскакали. Невѣстка бѣжавшей все это видѣла и поспѣшила сообщить отцу, который тотчасъ же пустился въ погоню и, имѣя быструю лошадь, скоро нагналъ убѣгавшихъ. Тѣ, видя, что имъ ускакать уже невозможно, остановились. Старикъ—отецъ дѣвицы былъ сильный человѣкъ. Разсвирѣпѣвши, онъ съ яростью занесъ на о. Смарагда свой огромный ножъ; но и миссіонеръ былъ силенъ и ловокъ: ударомъ нагайки онъ выбилъ ножъ изъ рукъ инородца. Тогда толмачъ посовѣтовалъ іеромонаху поскорѣе ѣхать съ дѣвицею въ селеніе, а самъ рѣшился остаться на мѣстѣ, чтобы выждать и задержать другихъ Калмыковъ, которые уже бросились помогать старику въ погонѣ. Миссіонеръ и дѣвушка ускакали въ ближайшій миссіонерскій станъ *Кебезенъ*. Тамъ о. Смарагдъ собралъ въ церковь русскихъ и новокрещеныхъ; вошелъ туда и самъ съ дѣвицею; церковь заперли. Между тѣмъ нагрянула погоня: цѣлая толпа Калмыковъ, имѣя во главѣ своего зайсана *), окружила церковь. Поднялся вой, шумъ, брань; Калмыки ломились въ церковныя двери, угрожая сжечь церковь вмѣстѣ со всѣми, находившимися въ ней, потому дескать, что дѣвушку *крестятъ насильно*. Миссіонеръ предложилъ Калмыкамъ допросить дѣвушку. Она вышла изъ церкви. Калмыки кинулись къ ней, окружили ее, стращали, бранили, грозились убить,

*) *Зайсанъ*—у алтайскихъ инородцевъ есть волостной старшина. У нихъ должность эта наслѣдственная, переходитъ отъ отца къ сыну или отъ брата къ брату. Зайсаны пользуются въ своемъ народѣ громадною властью, которою, въ большинствѣ случаевъ, страшно злоупотребляютъ, безпощадно грабя и всячески притѣсняя народъ. Зайсаны почти всегда язычники, и въ продолженіи слишкомъ 50-ти-лѣтняго существованія миссіи былъ только одинъ примѣръ крещенія зайсана.

но дѣвица безъ страха и смѣло отвѣчала имъ: „неправда! я сама посылала за *абызомъ*“ (священникомъ). Объявивъ это, дѣвушка снова ушла въ церковь, которую крѣпко затворили. Тогда мать дѣвушки начала бѣгать кругомъ церкви, какъ изступленная; кричала, плакала, рвала на себѣ волосы, терзала свое лицо, била стекла въ церковныхъ окнахъ. Твердая до сихъ поръ дѣвушка вдругъ начала жалѣть мать, принялась плакать, рыдать и предаваться отчаянію. Опытный и благочестивый миссіонеръ понялъ, что врагъ рода человѣческаго вооружился на бѣдную дѣвушку, желая помѣшать спасенію ея души, и избралъ средствомъ для ея погибели возбужденіе въ ней чувствъ плотской любви и сожалѣнія къ матери. Зналъ добрый инокъ и оружіе противъ козней діавола. По знаку о. Смарагда, хоръ новокрещеныхъ запѣлъ: „Господи помилуй!.. Да воскреснетъ Богъ!“ Въ тоже время іеромонахъ молитвенно оградилъ дѣвушку животворящимъ крестомъ: она успокоилась. Тогда ее огласили. Шумъ на улицѣ въ это время затихъ, Калмыки ушли отъ церкви. Вдругъ замѣтили, что мать оглашенной исчезла. Бросились во всѣ стороны искать ее. О. Смарагдъ, помогая въ поискахъ, зашелъ въ ближайшій къ селенію лѣсокъ и тамъ увидѣлъ отыскиваемую женщину повѣсившеюся на ремнѣ. Къ счастію сукъ, къ которому она привязала ремень, пригнулся такъ, что ноги ея касались земли. О. Смарагдъ отрѣзалъ ремень, кликнулъ людей, и старуху привели въ порядокъ. Въ ту минуту прибѣжалъ мужъ ея, узнавшій о случившемся и остервенѣвшій какъ звѣрь. Съ огромнымъ коломъ въ рукахъ бросился онъ на іеромонаха, чтобы размозжить его. Но тотъ ловко уклонился отъ удара, а инородецъ, промахнувшись, всею силой отчаяннаго розмаха, падаетъ какъ камень на землю, и колъ разлетается въ щепки. Мис-

сіонеръ въ туже минуту охватилъ разсвирѣпѣвшаго старика, и между ними началась борьба на жизнь и на смерть. Оба были сильны и ловки. Послѣ отчаянной борьбы, продолжавшейся нѣсколько минутъ, оба борца скатываются въ глубокую балку, по дну которой течетъ рѣчка. Тамъ инородецъ вдругъ смиряется предъ своимъ противникомъ, и, поднявъ руку, рѣшительно говоритъ: „отецъ! довольно, будетъ!“ Затѣмъ онъ безъ сопротивленія позволяетъ связать себя по рукамъ. Когда его подвели къ женѣ, онъ молчалъ и кротко смотрѣлъ на нее. Собравшіеся тутъ крещеные инородцы предложили старухѣ послѣдовать примѣру своей дочери и креститься. Она изъявила на это полное согласіе, и тогда же обратилась къ мужу съ увѣщаніемъ креститься и ему. Тотъ охотно согласился, — и дня черезъ два вмѣсто одного новаго члена въ христіанскую семью вошли трое. Такъ въ этой, по наружному виду, тѣлесной борьбѣ, боролись двѣ силы духовныя: одна, вѣчно побѣдительная и здѣсь побѣдившая, — сила креста Господня, а другая — злокозненная, могущественная, но всегда побѣждаемая крестомъ, — сила діавольская. „Крестъ воздвижется, и падаютъ духовъ воздушныхъ чинове; крестъ нисходитъ, и нечестивіи ужасаются, яко молнію видяще крестную силу“ (Кан. кресту, 6 пѣсн., тропарь 4).

Въ окрестностяхъ Телецкаго озера жилъ весьма извѣстный въ томъ краю *камъ* или *шаманъ*, по имени *Казакъ*. Это былъ человѣкъ отъ природы очень не глупый и въ своемъ народѣ уважаемый. Онъ чаще другихъ своихъ собратовъ по профессіи приглашаемъ былъ для *камланья* во всей той странѣ *). Часто слышалъ, да и самъ видѣлъ

*) Считаю нужнымъ пояснить для читателей слова: *камъ* и *камланье*. *Камъ* или *шаманъ* — есть нѣчто въ родѣ заклинателя, колдуна, предсказателя и вмѣстѣ врача. Непремѣнною принадлежностью кама служитъ *бубенъ*, назы-

наблюдательный *Казакъ,* что многіе его соотечественники алтайцы, не только мущины, но и женщины, даже дѣти, несмотря на всѣ опасности, препятствія, угрозы и жестокіе иногда побои со стороны родственниковъ—язычниковъ, все-таки самоотверженно, неудержимо стремятся къ крещенію, а крестившись, дѣлаются хорошими, трудолюбивыми, честными, и почти всѣ живутъ сравнительно съ некрещеными въ довольствѣ и достаткѣ. Зная все это, *Казакъ* нерѣдко задавалъ себѣ вопросы: что же это значитъ? что это за вѣра христіанская? не есть ли она, въ самомъ дѣлѣ, настоящая, истинная вѣра? Подобнымъ же образомъ разсуждалъ вдумчивый камъ, и проѣзжая однажды верхомъ по пустынной долинѣ. И вотъ внезапно необычайный свѣтъ облисталъ всю окрестность. Въ этомъ свѣтѣ камъ увидѣлъ какое-то свѣтлое, огненное и какъ бы шестикрылатое существо, видъ котораго поразилъ *Казака* до глубины души и духа. Камъ упалъ съ коня на землю, и по неудержимому невольному побужденію, началъ громко исповѣдывать всѣ обстоятельства своей жизни съ самаго ранняго дѣтства: какъ онъ ребенкомъ остался сиротою, какъ его научили камлать, какъ онъ съ лѣтами все глубже и глубже входилъ въ это бѣсовское дѣло, и какъ наконецъ демонская сила до того овладѣла имъ, что онъ уже не въ состояніи ей

ваемый по-алтайски *тюнгуръ* или *ягалъ.* Бубенъ дѣлается изъ телячьей или козлиной кожи; на верху его находится изображеніе шайтана (дьявола), въ видѣ отвратительной человѣческой фигуры. Съ этимъ бубномъ въ рукахъ, ударяя въ него, кривляясь и бѣснуясь до изнеможенія, камъ совершаетъ служеніе бѣсу, что и называется *камланьемъ.* Калмыки прибѣгаютъ къ камланью во всѣхъ несчастныхъ, тяжелыхъ или вообще затруднительныхъ случаяхъ своей жизни: въ болѣзняхъ, трудныхъ родахъ женщинъ, при падежѣ скота и т. п. Во время камланья, для умилостивленія мнимыхъ божествъ, и преимущественно *Эрлика,* иначе шайтана, приносятся въ жертву лошади, коровы, бараны и козы. Камами могутъ быть не только мущины, но и женщины: недавно славилась на Алтаѣ одна знаменитая *камка*-старуха, составившая себѣ своею профессіей большое состояніе

противиться. Въ это время *Казакъ* слышитъ, что невѣдомое, чудное, явившееся въ огненномъ свѣтѣ, существо говоритъ ему: „если хочешь быть счастливымъ на землѣ и спастись по смерти, то вѣруй въ Іисуса Христа и крестись; христіанская вѣра есть одна истинная вѣра; тоже скажи женѣ твоей и всѣмъ своимъ родственникамъ.“ Затѣмъ тоже необычайное существо повѣдало ему всѣ главнѣйшія основанія вѣры христіанской, и какъ послѣ разсказывалъ Казакъ, слышанныя имъ слова какъ бы огнемъ врѣзывались внутри его сердца. При этомъ внутреннимъ, духовнымъ очамъ кама указано было обширное пространство Алтая съ назнаменованіемъ мѣстъ, на которыхъ будутъ построены христіанскія церкви. Въ заключеніе таинственное огневидное существо сказало: „когда будутъ косить сѣно, проѣдетъ тутъ великій архіерей, освятитъ воды Телецкаго озера и укажетъ мѣста, гдѣ воздвигнутся храмы единаго Бога.“ Этимъ видѣніе кончилось. Казакъ пришелъ въ себя, и ничего изъ видѣннаго и слышаннаго имъ не забылъ: оно глубоко врѣзалось, какъ бы возжглось въ его сердцѣ и памяти. Онъ тотчасъ же отправился на указанныя ему въ видѣніи мѣста, и обозначилъ ихъ на деревьяхъ кольцами изъ конскаго волоса, а потомъ уже поѣхалъ домой. Тамъ онъ разсказалъ о своемъ видѣніи женѣ, которая съ полнымъ довѣріемъ и благоговѣйнымъ ужасомъ приняла его разсказъ. По прошествіи трехъ дней, и также въ пути, Казакъ видитъ новое видѣніе: въ разверзшемся небѣ является ему блистающее лицо какъбы священника, въ свѣтлой ризѣ, омофорѣ, сіяющей шапкѣ (митрѣ) и съ поднятыми благословляющими руками. Возвратившись домой, камъ опять передаетъ о видѣнномъ своей женѣ, и на этотъ разъ, зарѣзавъ скотину для угощенія обѣдомъ, сзываетъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственниковъ, друзей

и знакомыхъ. Угостивъ собравшихся гостей. Казакъ, несмотря на свое званіе кама, т.-е. представителя въ нѣкоторой степени языческаго культа, обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ вѣровать въ Господа Іисуса Христа и креститься. Нечего говорить. какъ изумлены и поражены были слушавшіе эту проповѣдь язычники: одни съ гнѣвомъ, другіе съ насмѣшками оставили юрту своего шамана. Казакъ, между тѣмъ, приказываетъ своимъ семейнымъ измѣнить одежду на русскую, мущинамъ обрѣзать косы и всѣмъ молиться христіанскому Богу. Мысль о принятіи крещенія неотступно преслѣдуетъ Казака; убѣжденіе въ истинѣ христіанской религіи становится въ немъ все крѣпче и яснѣе, и онъ вполнѣ сознаетъ, что иначе и быть никакъ не можетъ, что онъ, во что бы то ни стало, долженъ креститься. Чрезъ недѣлю послѣ описаннаго собранія гостей въ юртѣ Казака, его посѣщаетъ новое видѣніе: ему представляется широкая дорога отъ земли въ самую глубину неба, и вся она въ длину составлена изъ цвѣтовъ радуги. Тогда Казаку почему-то приходитъ мысль строить такъже дорогу. „Потружусь, говоритъ камъ, — Богъ самъ сдѣлаетъ ее радужною и доведетъ до неба.“ Тотчасъ же онъ принялся за работу, копалъ, выворачивалъ камни, работалъ почти полтора мѣсяца и устроилъ гать на довольно большомъ протяженіи. Язычники смѣются надъ Казакомъ и наконецъ приходятъ къ убѣжденію, что онъ помѣшался, что въ немъ сидитъ бѣсъ, котораго надо умолить, задарить, чтобы вышелъ. Начинается надъ Казакомъ обычное камланье, для котораго заботливые родственники пригласили нѣсколько извѣстныхъ камовъ, и такъ поусердствовали, что перерѣзали на камланье весь скотъ у несчастнаго Казака, тогда какъ онъ вовсе не былъ помѣшанъ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствія своихъ родичей, про-

тивиться которымъ онъ не могъ, по русской пословицѣ: сила солому ломитъ. Онъ терпѣливо ждалъ часа, который, по его твердому убѣжденію, долженъ былъ настать и положить конецъ его испытаніямъ, открывъ путь и способы къ достиженію завѣтной его цѣли: крещенія. Наконецъ Казакъ слышитъ, что архіерей, о которомъ ему возвѣщено было въ видѣніи, дѣйствительно ѣдетъ. Тогда Казакъ смѣло объявляетъ своимъ роднымъ непремѣнное намѣреніе свое креститься. Но родственники, признавая его сумасшедшимъ, схватываютъ его, связываютъ и увозятъ верстъ за 300, въ пустынное и рѣдко кѣмъ посѣщаемое мѣсто. Между тѣмъ преосвященный, — это былъ епископъ томскій Парѳеній *), —объѣзжаетъ Алтай, освящаетъ воды Телецкаго озера **), ѣдетъ мимо конскихъ волосъ, которыми Казакъ намѣтилъ указанныя ему въ видѣніи мѣста будущихъ церквей. Архипастырю передаютъ событіе съ Казакомъ; посылаютъ за послѣднимъ, но нигдѣ не могутъ найти: зорко и крѣпко сторожатъ его

*) Преосв. Парѳеній управлялъ Томскою епархіей съ 1854 по 1860 годъ. Онъ весьма много заботился объ Алтайской миссіи. Скончался въ 1873 г. въ санѣ архіепископа иркутскаго.

**) Не разъ упоминаемое въ этой статьѣ *Телецкое озеро* находится въ самомъ центрѣ Алтая и есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ, по красотамъ природы, мѣстностей этого края. Длина озера 75 верстъ, ширина 6 верстъ, а вся окружность озера до 173 верстъ. Телецкое озеро со всѣхъ сторонъ окружено исполинскими утесами горъ, которыя усѣяны по склонамъ и ущельямъ кедровыми и лиственничными лѣсами, а въ высочайшихъ вершинахъ покрыты вѣчными снѣгами и ледниками, едва ли уступающими альпійскимъ глетчерамъ. Алтайцы называютъ это озеро *Алтынъ-Норъ* или *Алтынъ-Куль*, т.-е. *Золотое озеро*. У нихъ объ этомъ озерѣ существуетъ слѣдующее преданіе. „Въ древнія времена по всему Алтаю свирѣпствовалъ голодъ, отъ котораго гибли тысячи народа. Одинъ богатый Калмыкъ, имѣя большой кусокъ золота, обошелъ съ нимъ весь Алтай, чтобы вымѣнять на него кусокъ хлѣба, но никто не далъ ему ни крошки Несчастный богачъ пришелъ къ Телецкому озеру и сказалъ: „будь же ты съ этого времени *Алтынъ-Куль* (Золотое озеро)“, бросилъ въ него золото, и въ отчаяніи самъ за нимъ бросился и погибъ въ волнахъ. Съ того времени, говорятъ алтайцы, и называется озеро *Алтынъ-Куль* или *Алтынъ-Норъ*“.

родственики. Но такъ какъ вѣсти у кочевниковъ переносятся съ быстротою молніи, то и Казакъ узналъ, что проѣзжавшій архіерей искалъ его. Горько плакалъ и рыдалъ несчастный, и наконецъ опасно занемогъ. А его все-таки продолжали сторожить и считать сумасшедшимъ. Такъ прошло съ перваго его видѣнія два года. Одинъ изъ миссіонеровъ, путешествуя съ евангельскою проповѣдью въ окрестностяхъ Телецкаго озера, вспомнилъ, что тутъ гдѣ-то недалеко живетъ шаманъ Казакъ; но такъ какъ время было зимнее, то до юрты шамана трудно добраться, на пути находилась высокая гора и непроходимыя пропасти снѣгу, да при видѣ миссіонера, Казака непремѣнно бы упрятали подальше. Нашелся наконецъ человѣкъ, согласившійся подать Казаку вѣсть. Съ нимъ миссіонеръ послалъ Казаку въ подарокъ и удостовѣреніе *калачъ,* вмѣстѣ съ приглашеніемъ самому придти креститься, если не измѣнилъ своему прежнему намѣренію. Посланный добрался до Казака и передалъ ему все,—только калачъ съѣлъ, ибо это составляетъ соблазнительное лакомство для Калмыка, никогда не видящаго хлѣба. Казакъ, выслушавши посланца, ловко устроилъ все такъ, что несмотря на строгій надзоръ за нимъ явился къ миссіонеру не только самъ, но привелъ еще съ собою двѣнадцатилѣтняго своего сына. Обрадованный миссіонеръ говоритъ ему: „ну вотъ теперь Господь посылаетъ тебѣ случай къ исполненію твоего давнишняго намѣренія: вѣдь ты хотѣлъ креститься.“ —„Э, монахъ, монахъ, отвѣтилъ Казакъ, — очень и очень хотѣлъ я креститься два года назадъ, и какая тогда была у меня великая радость на сердцѣ, а теперь ужъ нѣтъ этой радости,—злой шайтанъ укралъ ее у меня!“ — „Вѣрь, говорилъ іеромонахъ,— вѣрь, получишь ты эту радость, и еще большую! Благъ нашъ Господь, всесиленъ Онъ: воскрешаетъ и мертвыхъ;

Ему ли не воскресить твоей радости? Противъ всемогущей силы креста Христова не устоять шайтану со всѣми его адскими силами!“ При этихъ словахъ Казакъ внезапно впадаетъ въ изступленіе: мечется, рветъ на себѣ одежду, мычитъ, свиститъ, неистово хохочетъ, валяется по полу, кружится, обливаясь пѣной. Миссіонеръ въ ужасѣ накрываетъ его иконой, съ молитвой окропляетъ св. водой и осѣняетъ крестомъ. Казакъ успокоивается, затихаетъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ, какъбы очнувшись отъ тяжелаго, болѣзненнаго сна, быстро встаетъ, смѣло и рѣшительно объявляетъ іеромонаху: „крести меня, крести; во что бы то ни стало хочу креститься!“ Вошли въ церковь. Тамъ въ иконѣ Спасителя Казакъ узналъ явившееся ему нѣкогда благословляющее Лице; только, по его словамъ, здѣсь оно не въ той одеждѣ, безъ шапки и не обѣ руки благословляютъ. Упавъ предъ образомъ Спасителя на колѣни, Казакъ, обращаясь къ миссіонеру, воскликнулъ: „молись, монахъ!“ — „Молись и ты, усердно, какъ умѣешь“, отвѣтилъ іеромонахъ. Оба прилежно молились. Казакъ началъ тосковать и плакать, повергаясь предъ иконой Спасителя и потомъ иконой Божіей Матери. Миссіонеръ взялъ елея изъ теплившейся предъ иконами лампады и крестообразно помазалъ имъ чело и перси рыдающаго шамана. „Монахъ! монахъ! вдругъ воскликнулъ, въ какомъ-то необычайномъ восторгѣ, Казакъ,—радость-то моя, моя прежняя радость входитъ мнѣ опять въ сердце!“ Казакъ былъ оглашенъ, оставленъ въ квартирѣ іеромонаха, наученъ молитвамъ и вскорѣ крещенъ, съ нареченіемъ имени *Григорій*. Вслѣдъ за тѣмъ мальчикъ, сынъ бывшаго кама, а теперь новокрещенаго Григорія, изъявилъ желаніе креститься. Но лишь только онъ высказалъ свое желаніе, какъ съ нимъ мгновенно сдѣлался такой же припадокъ бѣшенства, ка-

кой предъ крещеніемъ былъ и у его отца. Молитва и сила честнаго креста опять уврачевали и этого ребенка, и онъ былъ оглашенъ и просвѣщенъ св. крещеніемъ. Дѣвица, племянница Григорія приходитъ навѣстить своего дядю. Ей предлагаютъ креститься, и она изъявляетъ согласіе. Но лишь только дѣвица произнесла свое согласіе, какъ и ею овладѣваетъ бѣснованіе: она плачетъ, воетъ, бранится, потомъ бѣжитъ, начинаетъ кружиться около дерева, наконецъ падаетъ въ изнеможеніи и, чрезъ нѣсколько минутъ, прійдя въ себя, разсказываетъ, что какой-то верховой, проѣзжая мимо, строго приказалъ ей непремѣнно креститься. Дѣвица была крещена. Чрезъ нѣсколько дней является братъ Григорія, за нимъ еще родственники, и также принимаютъ св. крещеніе, такъ что въ самое короткое время изъ родныхъ бывшаго шамана Казака крестится пятнадцать человѣкъ.

Стодесятилѣтній Калмыкъ Кочоевъ, съ стопятилѣтнею женой своею Азлей, убѣгая сношеній съ миссіонерами и боясь быть обращенными въ христіанство, нарочно скочевали съ семействомъ изъ Улалы въ Кузнецкій округъ. Но милосердіе Божіе нашло ихъ и тамъ. Обстоятельства такъ располагались для Кочоева, что онъ поневолѣ кидался съ мѣста на мѣсто, и нехотя долженъ былъ опять поселиться близъ тойже Улалы, отъ которой бѣжалъ. Тамъ всѣ младшіе члены его семьи приняли крещеніе, но самъ онъ со старухой женой еще оставались непреклонными, отвергая убѣжденія миссіонеровъ и просьбы дѣтей и внуковъ, уже окрестившихся. Но вотъ однажды престарѣлому Кочоеву представился во снѣ новокрещеный внукъ его Константинъ читающимъ Евангеліе. Книга сіяла необыкновеннымъ свѣтомъ. Какой-то архіерей (старикъ ранѣе имѣлъ случай видѣть православнаго епископа въ Улалѣ), въ бѣлой блестящей одеждѣ, подойдя

къ Кочоеву, сказалъ ему: „крестись, ты будешь читать лучше его.“ Кочоевъ будтобы согласился и тутъ же былъ окрещенъ архіереемъ этимъ, только безъ погруженія въ воду, при чемъ архіерей надѣлъ на него круглый, какъ солнце сіяющій, золотой крестъ, далъ ему изъ рукъ внука книгу, которую Кочоевъ самъ сталъ легко читать, а книга сіяла свѣтлыми лучами и на сердцѣ у старика было такъ отрадно и сладко, какъ онъ не могъ бы никогда и вообразить. Проснувшись, Кочоевъ въ минуту порѣшилъ свое многолѣтнее упорство: онъ и жена его вскорѣ были крещены въ Улалѣ съ особенною торжественностью, при общемъ ликованіи собравшагося на торжество всего улалинскаго крещенаго населенія.

Такъ всеблагій Богъ, „не хотящій смерти человѣку, но еже обратитися ему и живу быти,“ разными, часто дивными. чудными путями привлекаетъ его, а чрезъ него и другихъ къ спасенію. Приведу нѣсколько трогательныхъ примѣровъ обращенія къ христіанству дѣтей-язычниковъ, примѣровъ, свидѣтельствующихъ о чудодѣйственномъ вліяніи благодати Божіей на юныя сердца. и въ тоже время о живой вѣрѣ и глубокомъ убѣжденіи въ необходимости крещенія, вкореняющихся въ этихъ сердцахъ настолько крѣпко. что не могутъ поколебать ихъ никакія трудности. опасности, угрозы бѣдъ, мученій и самой смерти.

Близъ миссіонерскаго селенія Маймы, за рѣкой Катунью. жила въ юртѣ своихъ некрещеныхъ родственниковъ осьмилѣтняя сирота-дѣвочка, по имени *Путый*. Она часто бывала въ Маймѣ у новокрещеныхъ, не разъ съ ними заходила и въ церковь. Ребенку очень понравилось и богослуженіе христіанское и самая жизнь новокрещеныхъ, сравнительно съ грязною, звѣроподобною жизнью язычниковъ. Путый однажды объявила родствен-

никамъ, у которыхъ жила, что она хочетъ креститься. Ей за это пригрозили побоями. Но дѣвочка, улучивъ удобное время, убѣжала въ селеніе Майму къ одной знакомой христіанкѣ, которую умоляла тотчасъ отвести ее къ священнику. чтобы окрестить. Но родственники ребенка, бросившіеся въ погоню, были уже тутъ. Они окружили домъ христіанки; дѣвочка спряталась въ подполье; но бѣшеные идолопоклонники нашли ее и увезли съ собою. Въ юртѣ у себя они жестоко сѣкли, колотили и мучили ребенка за Іисуса Христа, котораго горячо возлюбило сердце юной язычницы, и грозили за вторую попытку къ бѣгству убить ее. Но чрезъ двѣ недѣли дѣвочка снова бѣжала въ туже деревню и къ тойже христіанкѣ, и упросила ее тотчасъ же ѣхать къ священнику. Онѣ поѣхали верхомъ на одномъ конѣ. Нужно было переправляться черезъ рѣку Катунь, ледъ на которой, по случаю весенней оттепели. былъ не надеженъ; но Господь сохранилъ ихъ: съ крайнею опасностью для жизни, женщина съ ребенкомъ переѣхали широкую рѣку, явились къ миссіонеру. Дѣвочка была окрещена и названа *Маріею*. Родственники дѣвочки пытались было украсть ее, но не могли. Марія выросла въ домѣ благочестивыхъ крещеныхъ инородцевъ и сдѣлалась доброю христіанкой.

На рѣкѣ Урсулѣ въ юртѣ некрещенаго родственника, проживалъ, по круглому сиротству, 12-тилѣтній мальчикъ *Ѳэбаякъ*. Однажды онъ услышалъ отъ крещеныхъ Калмыковъ объ истинномъ Богѣ, крестѣ и вѣрѣ Христовой,— и почувствовалъ неодолимое желаніе креститься. Онъ началъ самъ дѣлать кресты изъ прутьевъ, конскихъ волосъ и изъ всего, что имѣлъ; ставилъ эти кресты вездѣ и предъ ними поклонялся христіанскому Богу. Когда ему долго не представлялось возможности исполнять это,

то становилось невыносимо скучно: онъ убѣгалъ въ лѣсъ и тамъ тайно занимался любимымъ дѣломъ. Родственница Калмычка, у которой онъ жилъ, заставала тамъ мальчика, ловила, терзала его, била до полусмерти и, выхватывая большой ножъ, который Калмыки, мущины и женщины, всегда носятъ за поясомъ, обухомъ пробивала ему черепъ. Однажды свирѣпая женщина особенно сильно измучила, изувѣчила мальчика. Когда раны начали подживать, Ээбаякъ, помолясь въ лѣсу, бѣжалъ въ ту сторону, откуда обыкновенно выѣзжали крещеные. Не зная дороги, мальчикъ блуждалъ по лѣсамъ и горамъ одиннадцать дней, питаясь только кореньями и травой и утѣшаясь крестомъ и молитвою, которую творилъ, какъ умѣлъ. На двѣнадцатый день онъ пришелъ въ миссіонерское селеніе *Мыюту,* за 150 верстъ отъ своей юрты. Сюда скоро пріѣхалъ начальникъ миссіи, къ которому Ээбаякъ тотчасъ же явился, и уже не отходилъ отъ него ни на шагъ, въ неописанномъ восторгѣ и радости вился около него, какъ самый нѣжный сынъ около отца, слѣдовалъ за нимъ повсюду. Онъ учился съ удивительнымъ вниманіемъ и быстротою; ясно и скоро затвердилъ молитвы и огласительное ученіе, отличался послушаніемъ, скромностію, молитвеннымъ настроеніемъ духа и вскорѣ былъ крещенъ съ именемъ *Андрея.*

Двѣ маленькія калмычки, *Уулчакъ* 9-ти и *Бильбезекъ* 10-ти лѣтъ, узнавъ отъ своей крещеной родственницы многое о вѣрѣ и жизни христіанской, согласились между собою принять крещеніе. Онѣ тайно ушли, Уулчакъ отъ некрещенаго отца, а Бильбезекъ отъ некрещеной же матери, въ ближнюю русскую деревню, къ одному знакомому имъ крестьянину, который, по усиленной слезной просьбѣ дѣвочекъ, отвезъ ихъ въ Улалинскій станъ миссіи. Тамъ онѣ были оглашены и названы: первая *На-*

деждою, а вторая *Вѣрою*. Крестьянинъ хотѣлъ увезти ихъ обратно къ родителямъ, до времени ихъ крещенія; но дѣвочки, узнавъ, что имъ нужно учиться и что ихъ окрестятъ не скоро, просили, чтобы ихъ оставили при миссіи до пріѣзда за ними ихъ родителей. Послѣдніе, услышавъ, что дѣти ихъ въ миссіи и что будтобы уже крещены, не торопились. Прошло около года; отецъ Надежды умеръ, а мать Вѣры вышла замужъ. Оглашенныя дѣвочки продолжали учиться закону Божію, грамотѣ, рукодѣльямъ, а миссіонеры не спѣшили ихъ крещеніемъ, чтобы юныя сердца ихъ болѣе утвердились въ желаніи креститься. Не спѣшили этимъ дѣломъ почтенные отцы отчасти и потому, чтобы всѣмъ и каждому показать, что миссія не сманиваетъ въ христіанство языческихъ дѣтей, а таковыя сами къ ней приходятъ съ просьбою о крещеніи и получаютъ его только тогда, когда миссія убѣдится въ твердости и сознательности ихъ святаго намѣренія, ибо всегда были и есть, не среди язычниковъ только, но и между христіанами, враги и порицатели миссіи, старающіеся всячески унизить и очернить ея дѣйствія. Съ весною явились въ Улалу родственники дѣвочекъ, и узнавъ, что онѣ еще не крещены, стали требовать ихъ и обратились за помощью къ находившемуся тогда въ Улалѣ земскому засѣдателю. Тотъ потребовалъ къ себѣ дѣвочекъ и ихъ родственниковъ. Дѣвочки упрашивали оставить ихъ въ миссіи; увѣряли, что онѣ душой давно христіанки и у язычниковъ, которые имъ теперь не родные, жить не хотятъ и не будутъ. Сколько ни шумѣли и не спорили язычники, засѣдатель присудилъ остаться дѣвочкамъ въ миссіи, что привело юныхъ христіанокъ въ неописанный восторгъ. Вскорѣ прибыли въ Улалу два родные брата дѣвочекъ, оба по 18-ти лѣтъ, чтобы креститься самимъ, желая быть въ

одной вѣрѣ съ сестрами. Немного прошло времени, когда и мать Вѣры съ своимъ мужемъ приняли крещенiе. Такимъ образомъ двѣ маленькiя дѣвочки, настоятельнымъ желанiемъ креститься, привели къ обращенiю въ христiанство четырехъ взрослыхъ язычниковъ. *Сила Божiя въ немощи совершается.*

Въ Улалу прибѣжалъ изъ ближнихъ юртъ 10-ти лѣтнiй калмыцкiй мальчикъ *Чульчукъ*, умоляя тотчасъ крестить его и не выдавать матери. Онъ говорилъ, что прежде и его мать хотѣла креститься, но теперь почему-то не хочетъ. Миссiонеры спросили его: „почему же ты сохранилъ свое намѣренiе, когда мать, старѣе тебя и опытнѣе, отказалась отъ него?“ Чульчукъ совершенно сознательно отвѣчалъ: „потому что вѣра наша дурная, всѣ у насъ знаютъ это; жертвы приносятъ дiаволу для того, чтобы откупаться отъ болѣзней, отъ смерти, отъ потери скота; а всѣ хвораютъ, умираютъ, скотину всю *прокамлаютъ*, раззорюятся, а пользы никакой! Кланяются, какъ Богу, болванамъ и кукламъ, которыхъ сами дѣлаютъ; лошадей и другихъ животныхъ, которыхъ зарѣзываютъ въ жертву, жестоко мучатъ, живыми разрываютъ на части *), а кровью ихъ мажутъ свои куклы,—какая это вѣра? Мы знаемъ, что крещеные вѣруютъ и молятся Богу истинному, живому, Который сотворилъ небо и землю и все; такъ я самъ слышалъ отъ крещеныхъ и такъ самъ вѣрую; а потому хочу непремѣнно креститься.“ Мальчикъ былъ оглашенъ и названъ *Iоанномъ*. Прiѣхала

*) Дѣйствительно, при калмыцкихъ жертвоприношенiяхъ, жертвенныя животныя немилосердо истязуются; наприм., живую лошадь или корову валятъ на землю, ко всѣмъ четыремъ ногамъ ея привязываютъ веревки и, припрягаясь къ послѣднимъ толпами, съ дикими воплями тянутъ веревки во всѣ четыре стороны, пока не разорвутъ на части несчастное животное. Или живую скотину медленно закалываютъ ножами, при чемъ высасываютъ изъ нея кровь, и кровью же мажутъ своихъ идоловъ.

разъяренная мать. Чульчукъ заперся въ комнатѣ и на неистовые крики матери у оконъ ничего не отвѣчалъ. Когда она нѣсколько поуспокоилась, Чульчукъ вышелъ къ ней самъ, кротко напомнилъ ей собственное намѣреніе ея креститься, со слезами уговаривалъ ее, и она также весьма спокойно начала упрашивать его возвратиться домой. На рѣшительный отказъ она стала угрожать побоями, потомъ плакать, метаться, бѣситься,—и вдругъ схватила мальчика за руки и бѣшено потащила. Онъ успѣлъ высвободиться, заперся опять въ комнату и долго, долго со слезами на глазахъ, порою съ рыданіями, изъ окна умолялъ, уговаривалъ ее такъ, что тронулъ черствую душу идолопоклонницы. Она дала слово креститься, но не ранѣе какъ черезъ годъ, когда устроитъ свои домашнія дѣла; послѣ чего она отправилась домой уже совершенно спокойно. Мальчикъ былъ крещенъ, а чрезъ годъ крестилась и его мать.

Подобныхъ примѣровъ, по отзывамъ миссіонеровъ, бываетъ много. Въ обращеніи инородцевъ къ христіанству видимо дѣйствуетъ благодать Божія, независимо отъ трудовъ и стараній самихъ миссіонеровъ. Способы или пути этого обращенія разнообразны,—то самые простые, то самые сложные и чудные. Такъ напримѣръ, жена въ злобѣ на мужа прерываетъ съ нимъ всякое сношеніе, идетъ въ станъ, принимаетъ св. крещеніе и вдругъ одумывается: христіанкѣ быть во враждѣ и злобѣ великій грѣхъ. Она возвращается къ мужу кроткою и дружелюбною, уговариваетъ мужа и тотъ дѣлается христіаниномъ, и оба потомъ живутъ счастливо. Многіе пожилые отыскиваютъ новокрещеныхъ дѣтей, отъ нихъ внимательно учатся первымъ понятіямъ о христіанской вѣрѣ и молитвамъ; ихъ берутъ себѣ проводниками въ миссіонерскій станъ, и въ трудныхъ мѣстахъ или даль-

немъ пути туда носятъ ихъ на рукахъ. Всѣ на вопросъ: „какъ же ты вздумалъ креститься?“ отвѣчаютъ: „Богъ мнѣ *вложилъ* вдругъ такую мысль.“ По совершеніи крещенія всѣ постоянно говорятъ: „теперь на сердцѣ весело и бодро; дьяволъ теперь не можетъ ничего надо мною сдѣлать; Богъ мой Іисусъ Христосъ его прогонитъ.“ Часто бываетъ, что напримѣръ при желаніи матери семейства креститься, на нее накидывается вся семья: мужъ грозитъ едва не убійствомъ, наноситъ ужасные побои; остервенѣлая старуха мать испускаетъ проклятія и хулы; звѣроподобныя дѣти ревутъ, кусаютъ матери руки; родственники и знакомые кричатъ, бранятся; всѣ воютъ, бѣснуются. Настоящія демонскія сцены разыгрываются предъ несчастною. Но она тверда въ намѣреніи, ничто не страшитъ ее, не совращаетъ съ указаннаго Богомъ пути,—и она принимаетъ крещеніе. И вотъ не проходитъ полугода, какъ ея мужъ, мать и дѣти тоже окрещены.—Если собирать всѣ болѣе или менѣе выдающіеся случаи обращенія язычниковъ къ христіанству, то о нихъ можно было бы напечатать цѣлыя книги *).

---

*) См. брошюру: „Алтайская церковная миссія“. Спб. 1865 года. Въ брошюрѣ этой приведено много подобныхъ выше описаннымъ случаевъ.

III.

Воспоминанія о почившихъ алтайскихъ миссіонерахъ.

Прежде всего и естественно, при воспоминаніи усопшихъ дѣятелей Алтайской миссіи, возстаетъ предъ нами свѣтлый образъ ея основателя, незабвеннаго архимандрита Макарія. Объ этомъ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ не мало уже было писано въ различныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ за прошлые годы, но тѣмъ не менѣе, для общаго нашего назиданія, мы и здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о немъ.

Покойный о. Макарій былъ сынъ священника Богоявленской церкви, г. Вязьмы Смоленской губерніи, по фамиліи Глухарева. Родился онъ въ 1801 году. По окончаніи съ большимъ успѣхомъ курса наукъ въ С.-Петербургской духовной академіи, онъ назначенъ былъ профессоромъ Екатеринославской семинаріи, затѣмъ ректоромъ, уже по постриженіи въ монашество, Костромской семинаріи. Основательно образованный, ученый, знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ, о. Макарій отличался трудолюбіемъ, а еще болѣе благочестіемъ и глубокимъ смиреніемъ. Послѣднія качества побудили его оставить многообѣщавшую для него въ будущемъ духовно-учебную служ-

бу и посвятить себя исключительно иноческимъ подвигамъ, вслѣдствіе чего, по собственной просьбѣ, онъ и уволенъ былъ сперва въ братство Кіево-Печерской лавры, а потомъ перешелъ въ Глинскую Богородицкую общежительную пустынь, Курской губерніи, гдѣ и проходилъ нѣсколько лѣтъ, состоя уже въ санѣ архимандрита, иноческія послушанія, подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни настоятеля той пустыни, игумена Филарета. Но слабое отъ природы здоровье о. Макарія еще болѣе разстроивалось отъ его ревностныхъ монашескихъ подвиговъ и усидчивыхъ ученыхъ занятій. Здѣсь, въ Глинской пустыни, онъ между прочимъ началъ переводъ съ еврейскаго языка на русскій св. Библіи,—трудъ, который онъ непрерывно продолжалъ и въ послѣдствіи на Алтаѣ. Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ видѣ приложенія въ духовномъ журналѣ „Православное Обозрѣніе". Между тѣмъ Промыслъ Божій готовилъ для своего избранника иное поприще дѣятельности, вполнѣ соотвѣтствовавшее его душевному настроенію.

Въ декабрѣ 1828 года, указомъ Св. Синода на имя Евгенія, архіепископа тобольскаго и сибирскаго, къ епархіи котораго принадлежала тогда Томская губернія, предписано было открыть на Алтаѣ, въ Бійскомъ округѣ, духовную миссію для обращенія въ христіанство кочующихъ тамъ Калмыковъ-язычниковъ. На святое и многотрудное дѣло начальствованія надъ этою миссіей, по предложенію Св. Синода, разосланному во всѣ монастыри Россіи, добровольно вызвался о. архимандритъ Макарій и пріѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ въ архіерейскомъ домѣ прожилъ около года, изучая татарскій языкъ. Только въ 1830 г. прибылъ онъ, въ качествѣ начальника новооткрытой миссіи, въ г. Бійскъ, а оттуда въ горы Алтайскія, гдѣ и основалъ первый станъ миссіи

на урочищѣ *Маймѣ*, въ 80 верстахъ отъ Бійска. Въ то время архимандриту Макарію было 29 лѣтъ отъ роду. Онъ несъ, какъ даръ истинно-евангельской любви къ ближнему, свѣжія силы сердца, ума и воли, хотя слабая плоть его, и въ цвѣтѣ еще лѣтъ, была истомлена предшествовавшими духовными подвигами и учеными трудами. Самоотверженный труженикъ, отправляясь въ далекій, неизвѣстный ему край, на подвигъ чрезвычайный, въ среду полудикихъ язычниковъ, гдѣ ожидали его крайнія лишенія и опасности,—не только не побоялся всего этого, но отказался для себя лично даже отъ всякаго содержанія отъ казны, сохранивъ себѣ только получаемый имъ магистерскій окладъ въ 350 руб. ассигнаціями. Миссія на первыхъ порахъ была очень ограниченна: весь ея штатъ составляли начальникъ и два его сотрудника изъ молодыхъ семинаристовъ. На содержаніе сотрудниковъ и на всѣ остальныя потребности миссіи отпускалось ежегодно 990 рублей ассигнаціями. Архимандриту дана была походная церковь, да и та безъ палатки. О. Макарій построилъ на Маймѣ небольшой деревянный домикъ о трехъ комнатахъ, въ одной изъ которыхъ помѣщалась церковь, а въ двухъ другихъ—онъ со своими сотрудниками, кухня и школа для дѣтей. Жизнь о. Макарій велъ труженическую и въ высшей степени скромную. Онъ и его сотрудники устроили жизнь на правилахъ монашескаго общежитія. Богослуженіе въ походной церкви совершалось часто, а по воскресеньямъ, праздникамъ и постамъ неопустительно. Постепенно при Майминскомъ миссіонерскомъ станѣ образовалось порядочное селеніе изъ крещеныхъ инородцевъ. Всѣхъ майминцевъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей, о. Макарій зналъ въ лицо и по именамъ. Требовалъ, чтобы въ праздники всѣ приходили къ утренѣ и обѣднѣ, кро-

мѣ уважительныхъ причинъ. Во время утрени архимандритъ часто обходилъ церковь, училъ народъ правильно молиться, полагать крестное знаменіе и поклоны, зорко осматривая между тѣмъ всѣхъ молящихся и замѣчая небывшихъ у утрени. Когда эти небывшіе соберутся къ обѣднѣ, то по окончаніи ея доставалось имъ не мало отъ о. архимандрита: бывало, выйдетъ изъ алтаря, сердится, ставитъ виновныхъ тутъ же на поклоны, угрожаетъ еще новою епитеміей, а въ заключеніе самъ поклонится въ ноги тѣмъ, кого только что распекалъ, проситъ прощенія за то, что обидѣлъ ихъ, и умоляетъ именемъ Божіимъ ходить усердно въ церковь. Такая доброта и смиреніе архимандрита имѣли благодѣтельное вліяніе на народъ: всѣ старались неопустительно бывать въ церкви у всякой службы.

Въ пищѣ о. Макарій былъ не только нетребователенъ, но и постнически строгъ въ употребленіи ея: иногга по цѣлымъ суткамъ питался одною просфорой и нѣсколькими чашками чаю, который очень любилъ. Въ видѣ лекарства отъ стѣсненія въ груди, которымъ онъ постоянно страдалъ, употреблялъ сырыя яйца, разболтавши ихъ съ солью на чайномъ блюдечкѣ: это кушанье, по его словамъ, облегчало боль его груди и очищало голосъ, который онъ имѣлъ отъ природы слабый и тихій; но и за употребленіе этого невиннаго средства строгій подвижникъ часто упрекалъ себя, какъ за излишество. Съ сотрудниками своими онъ былъ простъ, отечески ласковъ, всегда учителенъ; но, находясь самъ постоянно въ занятіяхъ и трудахъ, требовалъ и отъ нихъ, чтобы они не сидѣли безъ дѣла, не проводили время въ праздности. Часто въ глубокую ночь будилъ ихъ и заставлялъ читать полунощницу или акаѳисты, пріучая ихъ чрезъ это къ молитвенному подвигу, столь

необходимому для проповѣдниковъ Евангелія. Въ отношеніи своей юной христіанской паствы о. Макарій былъ истинный отецъ, попечительный и любящій. Ежедневно онъ находилъ время посѣщать хижины и дома новокрещеныхъ, при чемъ входилъ во всѣ подробности ихъ домашняго хозяйства. наблюдалъ за чистотой и опрятностью, и если находилъ гдѣ-либо неряшество, при себѣ заставлялъ мыть, чистить, выметать. Случалось такъ, что онъ, заставъ хозяйку въ грязной избѣ въ отсутствіе ея мужа, приказывалъ ей сейчасъ же мыть избу, а самъ принимался няньчить хозяйскихъ ребятъ, укачивать ихъ въ колыбели, напѣвая при этомъ своимъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ какую-либо церковную пѣснь, или же разсказывая работавшей хозяйкѣ что-либо изъ св. исторіи или житій святыхъ.

Въ многоскорбномъ миссіонерскомъ служеніи терялъ иногда терпѣніе и кроткій, сдержанный о. Макарій: приводилось и ему сердиться. Если же разгнѣвается, то дня по два ничего не кушаетъ и никого къ себѣ не принимаетъ, развѣ только своего любимаго сотрудника С. В. Ландышева, да и то на нѣсколько минутъ, чтобы отдать какое-либо приказаніе. Но замѣтно было, что великій подвижникъ не вкушалъ въ такіе дни пищи собственно не потому, что былъ разгнѣванъ и отъ гнѣва не могъ кушать, а какъбы карая себя за гнѣвъ усиленнымъ постомъ. Точно также, если въ порывѣ гнѣва и вспыльчивости, которая въ немъ была отъ природы и развилась вслѣдствіе его болѣзненнаго состоянія, онъ кого-либо изъ своихъ сотрудниковъ, или въ послѣдствіи келейниковъ, оскорбитъ рѣзкимъ словомъ, то, успокоившись, непремѣнно проситъ у обиженнаго прощенія и старается обласкать, утѣшить его, награждая часто подарками, состоявшими обыкновенно изъ книжки или

платочка. Всѣ служившіе въ миссіи и всѣ новокрещеные не только любили и глубоко уважали о. Макарія, но и боялись его, какъ строгаго отца и наставника. Дѣтей о. Макарій любилъ особенно горячо и умѣлъ обращаться съ ними. Равно и самъ пользовался отъ дѣтей взаимною любовью и довѣріемъ. Любимымъ его занятіемъ было учить юное поколѣніе грамотѣ, молитвамъ и пѣнію. Среди дѣтей онъ былъ всегда веселъ, терпѣливъ, снисходителенъ и въ отношеніи къ нимъ у него не было мѣста природной его вспыльчивости. Часто о. Макарій принималъ къ себѣ на содержаніе сиротъ—дѣтей, а однажды болѣе года держалъ при себѣ годоваго младенца, оставшагося круглымъ сиротой послѣ родителей-Калмыковъ, самъ няньчилъ его, кормилъ молокомъ до тѣхъ поръ, пока не нашлась добрая женщина, взявшая сироту къ себѣ на воспитаніе. Больныхъ о. Макарій часто посѣщалъ, лѣчилъ ихъ гомеопатическими средствами, снабжалъ ихъ пищею и питьемъ. Бѣдные не отходили отъ него безъ помощи, несмотря на его скудныя средства. Нѣсколько бѣднѣйшихъ семействъ новокрещеныхъ постоянно содержались на его счетъ, такъ какъ при тогдашнемъ убогомъ содержаніи миссіи едва можно было удовлетворить самымъ существеннымъ нуждамъ ея, напримѣръ на заведеніе бѣлья для новокрещеныхъ, пріобрѣтеніе для нихъ крестиковъ и иконъ, и т. п., а о значительномъ вспомоществованіи бѣднымъ на казенный счетъ нельзя было и подумать. Словомъ, о. Макарій, по апостолу, былъ *всѣмъ вся*.

Много трудовъ, лишеній и огорченій пришлось испытать архимандриту Макарію на поприщѣ его апостольской дѣятельности, въ особенности въ первые годы, пока окончательно не устроилось и не окрѣпло новое еще тогда въ этомъ уголкѣ Сибири миссіонерское дѣло.

Прежде всего необходимо было изучить языкъ того народа, среди котораго выпалъ о. Макарію жребій благовѣствовать имя Христово. При своемъ обычномъ трудолюбіи и природной способности къ изученію языковъ, о. Макарій скоро и основательно познакомился съ алтайскимъ нарѣчіемъ, такъ что могъ свободно и безъ переводчика объясняться со алтайцами. Изучивъ туземный языкъ, о. архимандритъ началъ заниматься переводами на него съ русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Такимъ образомъ имъ переведены на алтайскій языкъ всѣ главнѣйшія молитвы, краткая Свящ. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, огласительныя поученія предъ св. крещеніемъ и т. п. Основавъ первый станъ миссіи въ Маймѣ, о. Макарій въ послѣдствіи устроилъ свою резиденцію за 15 верстъ отъ этого селенія, на урочищѣ Улалѣ. Отсюда онъ постепенно углублялся далѣе и далѣе въ Алтайскія горы. Полудикіе алтайцы сперва недовѣрчиво и враждебно относились къ проповѣднику невѣдомой для нихъ религіи, бѣжали при его приближеніи въ горы и дремучіе лѣса, и о. Макарію приходилось разыскивать калмыцкія стойбища въ лѣсныхъ и горныхъ трущобахъ, по непроходимымъ дорогамъ, притомъ самымъ первобытнымъ способомъ передвиженія: рѣдко на телѣгѣ, болѣе верхомъ, часто пѣшкомъ, а зимою по глубокимъ снѣгамъ, на лыжахъ. Морозы и страшные сибирскіе бураны, отъ которыхъ въ здѣшнихъ краяхъ ежегодно погибаетъ множество путниковъ и цѣлые табуны скота,—также не разъ доводилось испытать на себѣ слабому тѣломъ, но сильному духомъ, проповѣднику Евангелія. При переправахъ чрезъ безчисленныя на Алтаѣ горныя рѣки и рѣчки всегда, а особенно весною и въ началѣ лѣта, вслѣдствіе таянія въ горахъ снѣговъ, бурныя,—нерѣдко жизнь о. Макарія и его спут-

никовъ подвергалась опасности. Переправы эти совершаются верхомъ, въ бродъ или вплавь: мостовъ или паромовъ и теперь тамъ не существуетъ, а тѣмъ болѣе не могло быть въ тѣ времена, Проѣзжая однажды верхомъ по высокой горѣ, покрытой хвойнымъ лѣсомъ, о. Макарій зацѣпился ремнемъ бывшей при немъ сумки со св. Дарами за сукъ дерева; конь выбѣжалъ изъ-подъ сѣдока, который повисъ на суку, пока уѣхавшій впередъ провожатый, соскучивъ ждать, воротился и снялъ о. Макарія. Но всегда и вездѣ многомилостивый Господь хранилъ Своего вѣрнаго служителя.

Со временемъ алтайскіе язычники, узнавъ хорошенько о. Макарія и убѣдившись въ его кротости и добротѣ, начали довѣрчивѣе къ нему относиться, охотно слушали его простую, но убѣдительную и пламенную проповѣдь о св. крещеніи, и многіе начали обращаться къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, даже иные сами отыскивали русскаго *абыза* (священника) и изъявляли желаніе послушать отъ него ученіе истинной вѣры, а потомъ крестились. Во времена о. Макарія ежегодно крестилось язычниковъ, среднимъ числомъ, по 50—60 человѣкъ. Этотъ процентъ новообращенныхъ не долженъ казаться слишкомъ малымъ: нужно помнить, что о. Макарій былъ тогда единственный на всемъ Алтаѣ миссіонеръ. Матеріальныя средства миссіи, какъ мы видѣли, были крайне ограниченны, а сколько было сильныхъ преградъ и препятствій поставлено о. Макарію на пути его свѣтлой дѣятельности со стороны одних только недоброжелателей и враговъ миссіи! Но кто же были враги миссіи?

Прежде всего противниками и врагами миссіи являлись представители языческаго культа на Алтаѣ: *шаманы* или *камы*, а затѣмъ *зайсаны*—волостные головы алтай-

цевъ. Для тѣхъ и другихъ паденіе язычества влекло за собою лишеніе доходовъ и поборовъ, которыми они составляли себѣ капиталы, обирая невѣжественный народъ, такъ какъ, принявъ христіанство. Калмыки, конечно, навсегда выходили изъ-подъ вліянія шамановъ, а власть зайсановъ хотя и распространяется на крещеныхъ, но послѣдніе находятся подъ покровительствомъ миссіи и зайсанамъ невозможно безнаказанно грабить ихъ. Поэтому шаманы и зайсаны всячески старались мѣшать проповѣди о. Макарія, вооружали противъ него язычниковъ, а желающихъ креститься старались удержать отъ этого угрозами, побоями и всякими другими средствами, имѣвшимися въ ихъ распоряженіи.—Если не столь ожесточенными, то тѣмъ не менѣе сильными врагами миссіи были, повѣритъ ли православный читатель?—*русскіе чиновники* Бійскаго земскаго суда. *И враги человѣку домашніе его!*.. Эти, печальной памяти, представители гражданской власти въ краѣ, желавшіе держать алтайцевъ въ невѣжествѣ, чтобы тѣмъ легче обирать ихъ, и опасавшіеся, что миссія будетъ имъ помѣхой въ этомъ,—всячески старались препятствовать дѣятельности миссіонера: распространяя между инородцами неблагопріятные для миссіи слухи, вмѣшивались въ дѣла миссіонера относительно крещенія язычниковъ, усиливались препятствовать этому крещенію, отказывали архимандриту въ выдачѣ подводъ при поѣздкахъ по Алтаю, дѣлали проволочки въ разныхъ его законныхъ требованіяхъ,—словомъ, во всемъ, даже въ мелочахъ, оказывали ему противодѣйствіе. Наконецъ самыми ожесточенными врагами о. архимандрита Макарія были раскольники, поселившіеся на Алтаѣ, по долинамъ рѣкъ Катанды и Верхняго и Нижняго Уймона, съ давнихъ временъ и жившіе въ этой дикой и отдаленной части Алтая цѣ-

лыми деревнями и поселками. Изувѣры и суевѣры эти не только въ своей средѣ, но и между православными крестьянами и даже инородцами, съ которыми раскольники ведутъ торговыя дѣла,—разсѣевали самыя дикія, нелѣпыя вѣсти. называли Макарія антихристомъ, старались очернить его чистую и безупречную жизнь всевозможными клеветами. Собирались, говорятъ, даже подослать къ о. Макарію убійцъ, но Промыслъ Божій сохранилъ его.

Все это безропотно и терпѣливо переносилъ смиренный и самоотверженный труженикъ. Но наконецъ слабыя тѣлесныя силы его окончательно надломились и онъ вынужденъ былъ оставить миссіонерское служеніе: вслѣдствіе собственной просьбы, архимандритъ Макарій уволенъ былъ отъ начальствованія надъ Алтайскою миссіей и назначенъ настоятелемъ Оптина Болховскаго монастыря, Орловской губерніи, гдѣ въ 1847 году и скончался, оплакиваемый всѣми знавшими его и оставивъ на Алтаѣ незабвенную по себѣ память. Воспоминанія о немъ между алтайскими христіанами во вѣки не изгладятся. Крещеные инородцы благоговѣютъ къ его памяти, какъ къ памяти истиннаго человѣка Божія. Въ рѣдкой избѣ не найдется на почетномъ мѣстѣ изданнаго миссіей литографированнаго портрета о. Макарія. А его „Лента“, или собраніе сочиненныхъ имъ гимновъ, замѣняющихъ у алтайскихъ новокрещеныхъ народныя пѣсни, имѣется непремѣнно у каждаго, учившагося въ школѣ алтайца и составляетъ для него, послѣ Новаго Завѣта и молитвенника, любимую, настольную книгу.

Преемникомъ о. архим. Макарія по начальствованію надъ Алтайскою миссіею былъ покойный протоіерей Стефанъ Васильевичъ Ландышевъ. Уроженецъ одной изъ поволжскихъ губерній, дьяческій сынъ, студентъ семина-

ріи, Стефанъ Васильевичъ юношею прибылъ на Алтай и былъ однимъ изъ любимыхъ и полезнѣйшихъ сотрудниковъ о. Макарія въ дѣлѣ евангельской проповѣди. О. архимандритъ, удаляясь съ Алтая, избралъ о. Ландышева своимъ преемникомъ въ миссіи по его особеннымъ способностямъ и расположенію къ миссіонерскому дѣлу, а также съ тою цѣлію, чтобы не измѣнять мудро обдуманныхъ предначертаній и способовъ дѣйствій о. архим. Макарія, которые Ландышеву, болѣе чѣмъ кому-либо другому, были извѣстны, всецѣло поняты и усвоены имъ. Во все, слишкомъ двадцати-лѣтнее, управленіе Алтайскою миссіей о. прот. Ландышевъ дѣйствовалъ въ духѣ незабвеннаго своего учителя—о. Макарія,—въ духѣ истинно-апостольскаго самопожертвованія, любви и кротости.

О. Стефанъ Ландышевъ былъ человѣкъ многосемейный: одно время семья его состояла изъ 12-ти душъ. При самомъ ограниченномъ въ то время жалованьи, при отстутствіи, кромѣ казеннаго содержанія, всякихъ другихъ доходовъ *),—о. протоіерей терпѣлъ часто крайнюю нужду. Не разъ ему приходилось, по разнымъ дѣламъ миссіи, ѣздить въ Москву и Петербургъ, на свои собственныя средства, а однажды онъ такимъ образомъ путешествовалъ въ Москву со всею своею большею семьей, такъ какъ на Алтаѣ нельзя было ее оставить, ибо ей предстояло тамъ умереть съ голоду: на проѣздъ въ столицу о. Стефанъ продалъ тогда все, что имѣлъ, вошелъ въ долги и взялъ съ собою въ поѣздку семью—единственно въ надеждѣ, что добрые люди, которыми такъ богата первопрестольная Москва, пропитаютъ его

*) Миссіонеры и прежде не получали и теперь не получаютъ никакого вознагражденія за требоисправленія у инородцевъ, а напротивъ, нерѣдко имъ приходится изъ своихъ скудныхъ средствъ помогать бѣднѣйшимъ членамъ своей паствы.

и дѣтей. Надежда о. Стефана на доброту почтенныхъ москвичей, конечно, оправдалась вполнѣ.—Несмотря на скудость средствъ, о. Стефанъ никогда не отказывался помогать нуждающимся, какъ новокрещенымъ, такъ и русскимъ. Дѣйствуя по предначертаніямъ о. Макарія и въ его духѣ, о. Стефанъ имѣлъ утѣшеніе, во время своего начальства надъ миссіей, видѣть въ ней уже 8 становъ, съ 11-ю церквами и 10-ю школами. При немъ было положено начало устройству селеній среди кочевьевъ алтайцевъ. Селенія эти образовывались изъ новокрещеныхъ. Прежде новокрещеные селились обыкновенно или при станахъ миссіи, или въ русскихъ деревняхъ; но это оказалось во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, особенно въ виду трудности для миссіонеровъ наблюденія за новокрещеными, разсѣянными тамъ и сямъ. Новыхъ инородческихъ селеній образовалось при о. Стефанѣ около 30-ти. Всѣ жители этихъ селеній занимались сельскимъ хозяйствомъ подъ руководствомъ миссіонеровъ и подъ главнымъ наблюденіемъ начальника миссіи.

При о. Стефанѣ Алтайская миссія обнимала пространство въ 1,000 верстъ въ длину и отъ 150 до 700 верстъ въ поперечникѣ. Въ его настоятельство обращено въ христіанство язычниковъ до 5 т. душъ. Стараніями и неусыпными хлопотами о. Ландышева скудное содержаніе миссіи увеличено въ 7 разъ:—съ 571 рубля на 4,000 рублей въ годъ,—а также усилился и личный ея составъ новыми миссіонерами. Вслѣдствіе этого и въ дѣлѣ просвѣщенія алтайцевъ вѣрою Христовою и въ дѣлѣ водворенія гражданственности на Алтаѣ, при настоятельствѣ протоіерея Ландышева, совершено было очень много. Не станемъ говорить о тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, какимъ подвергался о. Стефанъ при постоянныхъ разъѣздахъ по Алтаю: все это есть общая

доля всѣхъ миссіонеровъ. Замѣтимъ только, что если самоотверженное перенесеніе всего этого, почти ежедневныя опасности потерять здоровье и жизнь—составляютъ заслугу монаха, человѣка одинокаго, то тѣмъ болѣе важна эта заслуга въ лицѣ священника, человѣка семейнаго, который, для великаго дѣла Божія, рискуетъ не только своею собственною жизнію, но и благополучіемъ своей семьи, угрожаемой каждый день и часъ грустной возможностію сиротства, столь тяжелаго въ духовномъ званіи, особенно въ тѣ времена. Почтенная супруга о. Стефана всегда была для него первою, усердною и самоотверженною сотрудницею въ миссіонерскомъ служеніи: имѣя 7—8 чел. своихъ собственныхъ дѣтей,—которыхъ нужно было учить, няньчить, вымыть, одѣть, обшить, накормить,—она успѣвала помогать мужу въ обученіи новокрещеныхъ женщинъ истинамъ св. вѣры и домашнему хозяйству, лечила больныхъ (гомеопат. средствами), обучала грамотѣ дѣтей,—словомъ, была и діакониссою и сестрою милосердія. Эта почтенная женщина скончалась года за два до смерти о. Стефана.

О. протоіерей Ландышевъ отличался кротостію, глубокимъ благочестіемъ, добродушіемъ въ обращеніи со всѣми и истинно русскимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Какъ начальникъ, онъ былъ неусыпно дѣятеленъ, точенъ и во всемъ исправенъ. Подчиненные любили и уважали его. При этомъ о. Стефанъ отличался энергіею, обдуманностію въ словахъ и поступкахъ, хладнокровіемъ и замѣчательно твердою волей, вслѣдствіе чего и пользовался громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ. Въ подтвержденіе этого приведу одинъ памятный случай изъ его жизни.

Въ концѣ лѣта 1848 г. весь Алтай взволнованъ былъ слухами о нашествіи на него изъ китайскихъ предѣловъ

несмѣтной непріятельской арміи. Среди азіятскихъ кочевниковъ всякіе слухи распространяются съ быстротою молніи и съ неизбѣжными прибавленіями. Такъ и на этотъ разъ слухи о непріятелѣ приняли ужасающіе размѣры: все языческое населеніе Алтая всполошилось, бросило свои обычныя занятія, скрываясь въ неприступныхъ ущельяхъ горъ и въ дремучихъ лѣсахъ; крестьяне сосѣднихъ съ Алтаемъ русскихъ селеній побросали дома, пасѣки и пашни, разбѣжавшись кто куда могъ. Бійское земское начальство отъ страха рѣшительно потеряло голову и завалило высшія военныя и гражданскія власти трепетными донесеніями о нашествіи враговъ; словомъ— во всемъ краѣ распространилась паника. На Алтай двинуты были наскоро войска изъ Омска и Семипалатинска. Но начальникъ миссіи, протоіерей С. В. Ландышевъ не поддался общему унынію и страху. Онъ, при появленіи первыхъ же слуховъ о нашествіи непріятеля, зная хорошо положеніе Алтая, а равно и сосѣднихъ съ нимъ китайскихъ владѣній и киргизской степи,—откуда только и возможны были какія-либо непріязненныя намъ движенія,—былъ вполнѣ увѣренъ, что серьезной опасности не могло быть никакой. Это убѣжденіе онъ сумѣлъ внушить и крещенымъ алтайцамъ, которые, глубоко уважая своего *абыса* (священника) и совершенно довѣряя ему, во все время переполоха остались спокойны и мирно занимались обычными дѣлами, подсмѣивались надъ своими струсившими земляками. Протоіерей Ландышевъ писалъ и Бійскимъ властямъ, стараясь успокоить ихъ и убѣдить въ неосновательности слуховъ и произведенной этими слухами тревоги. Но устрашенные блюстители порядка не вѣрили, считая Ландышева какимъ-то отчаяннымъ храбрецомъ, если только не лишеннымъ, по ихъ мнѣнію, разсудка. Въ послѣдствіи, когда дѣло объясни-

лось и оказалось, что мнимая непріятельская армія была простая шайка, десятка въ два бѣглыхъ каторжниковъ, пробиравшихся въ киргизскую степь, и что вся буря была поднята въ стаканѣ воды. Одинъ изъ алтайскихъ засѣдателей, прежде никогда не видавшій о. Ландышева, при первомъ свиданіи съ этимъ низенькимъ, сухощавымъ, смиреннымъ священникомъ, несказанно удивился и воскликнулъ: „батюшка, вѣдь я считалъ васъ великаномъ, Голіаѳомъ, судя по вашему безстрашію во время знаменитаго нашествія на Алтай!.. А теперь разочаровался!“ Но, сказали бы мы, вѣдь и Александръ Македонскій, и Фридрихъ Великій, и Наполеонъ I, говорятъ, были малаго роста; да дѣло въ томъ, что въ маленькомъ тѣлѣ у нихъ обиталъ великій духъ. Нашъ неустрашимый миссіонеръ показалъ прекрасный примѣръ того, какъ необходимо всѣмъ, власть имѣющимъ, обладать, особенно во время какихъ-либо народныхъ волненій, здравымъ смысломъ, хладнокровіемъ, энергіею и довѣріемъ толпы, чтобы удержать ее въ надлежащихъ границахъ. А въ частности для Алтая этотъ малый подвигъ о. Ландышева составляетъ очень важную заслугу, такъ какъ, благодаря ему, новокрещеные алтайцы не потерпѣли тѣхъ матеріальныхъ лишеній, какія достались на долю струсившихъ и бросившихъ свое хозяйство остальныхъ обитателей Алтая и смежныхъ съ нимъ русскихъ поселеній *).

О. Стефанъ Ландышевъ, лѣтъ за 8-мь до своей кончины, былъ разбитъ параличемъ, вслѣдствіе чего и вышелъ за штатъ. Все это время онъ жилъ въ Улалѣ, пользуясь небольшою пенсіей отъ миссіонерскаго общества.

*) Подробное описаніе упомянутаго переполоха на Алтаѣ помѣщено мною въ „Семипалат. Област. Вѣдом.“, за 1883 г., въ статьѣ: *Изъ Алтайскихъ преданій* (№№ 24, 25 и 26).

Страданія его во время этой болѣзни были очень велики, но онъ съ трогательнымъ терпѣніемъ переносилъ ихъ, подкрѣпляя себя частымъ пріобщеніемъ Св. Таинъ и елеосвященіемъ, которое совершено было надъ нимъ неоднократно. Скончался онъ въ полной памяти, тихо, напутствованный таинствами церковными. Господь призвалъ многострадальнаго труженика къ вѣчному успокоенію въ самый день праздника Рождества Христова:— 25 декабря 1882 года. Погребеніе почившаго о. протоіерея совершено преосвященнымъ начальникомъ миссіи.

Приснопамятенъ для Алтая одинъ изъ первыхъ по времени, послѣ архим. Макарія, миссіонеровъ алтайскихъ, *іеромонахъ Іоаннъ,* поступившій въ миссію изъ братства знаменитой Саровской пустыни. Это былъ истинный инокъ по строгой, постнической жизни, по кротости характера и по чисто евангельскому самопожертвованію и самоотреченію, съ какими онъ трудился для миссіонерскаго дѣла. О. Іоаннъ начальствовалъ въ *Чемальскомъ* станѣ миссіи, при рѣкѣ тогоже имени. Это было самое безпокойное во всей миссіи мѣсто, такъ какъ тутъ къ трудностямъ общаго дѣла присоединилась борьба съ Чемальскими раскольниками, обижавшими калмыковъ и бывшими всегда упорными врагами миссіи. Ревностный къ подвигамъ, о. Іоаннъ по этимъ-то причинамъ самъ нарочно избралъ себѣ именно этотъ станъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ и потрудился съ успѣхомъ для миссіонерскаго дѣла. На одномъ изъ небольшихъ, но живописныхъ, покрытыхъ лѣсомъ, островковъ рѣки Чемала о. Іоаннъ выстроилъ себѣ небольшую келлію, куда удалялся иногда изъ своего стана для уединенія и иноческихъ подвиговъ, соединяя такимъ образомъ съ хлопотливою обязанностію миссіонера и аскетическій образъ жизни отшельника.

Іеромонаху Іоанну Алтайская миссія, между прочимъ,

вполнѣ обязана *первымъ* знакомствомъ съ нею Петербурга, въ полумилліонномъ населеніи котораго до о. Іоанна почти никто и ничего не зналъ объ Алтаѣ и его миссіи. Въ 1859 году, о. Іоаннъ, съ сотрудникомъ своимъ монахомъ Михаиломъ, прибылъ въ Петербургъ по дѣламъ миссіи. Въ сношеніяхъ своихъ съ столичнымъ дворянскимъ и купеческимъ обществомъ, этотъ умный и горячій къ своему дѣлу миссіонеръ умѣлъ разумно и доказательно передать многимъ вліятельнымъ людямъ и высшему начальству, духовному и гражданскому, весьма точныя понятія о миссіи, о ея поприщѣ, трудѣ, отношеніяхъ, состояніи, нуждахъ, окружающихъ ее обстоятельствахъ и проч., — вслѣдствіе чего на Алтайскую миссію обращено было должное вниманіе и правительства, и частныхъ лицъ: все высказанное, устно и письменно о. Іоанномъ было принято къ свѣдѣнію, а отсюда, какъ послѣдствіе, явились вспомоществованія властей и пожертвованія частныхъ лицъ въ пользу крайне нуждавшейся въ томъ и другомъ Алтайской миссіи. Разрѣшеніе устроить на Алтаѣ миссіонерскій мужской монастырь и женскую общину, а затѣмъ и пріобрѣтеніе средствъ для устроенія обѣихъ обителей также есть слѣдствіе проекта и многихъ хлопотъ о. Іоанна, который впрочемъ, не смотря на свою горячую любовь къ миссіи, по болѣзни оставилъ Алтай и, выѣхавъ въ Россію, тамъ скончался.

Вспомнимъ и покойнаго миссіонера, *игумена Акакія,* съ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости потрудившагося для Алтая. О. Акакій былъ московскій уроженецъ, изъ свѣтскаго званія, получившій образованіе въ ветеринарномъ училищѣ, но изъ любви къ монашеской жизни оставившій міръ и удалившійся потомъ для миссіонерской службы на Алтай. Это былъ одинъ изъ истинныхъ піонеровъ христіанства и гражданственности въ Алтай-

скихъ горахъ и долинахъ: имъ основаны въ пустыняхъ, гдѣ изрѣдка только встрѣчались одинокія юрты кочевниковъ, многія большія селенія, каковы: Ильинское, Черно-Ануйское. Тюдралинское, Абайское,—всѣ между отрогами величественныхъ Ануйскихъ и Чарышскихъ горъ, на вершинахъ которыхъ покоятся вѣчные снѣга. О. Акакій, подвигаясь съ евангельскою проповѣдью изъ Улалы, на самыхъ удобныхъ и живописныхъ мѣстахъ водружалъ крестъ, возлѣ него строилъ себѣ, часто собственными руками, убогую хижину и небольшой молитвенный домъ; къ нему собирались новокрещеные сперва со своими юртами, вмѣсто которыхъ вскорѣ, по указаніямъ и съ помощію о. Акакія, выстраивали себѣ домики, обзаводились хозяйствомъ,—и вотъ селеніе готово. Ревностный отецъ игуменъ былъ неутомимъ въ путешествіяхъ: верхомъ, или зимою на лыжахъ, онъ съ легкостію юноши переносился по горамъ и доламъ, причемъ въ его миссіонерскихъ странствованіяхъ Господь обильно вознаграждалъ своего труженика духовною ловитвою: почти всякая поѣздка его оканчивалась обращеніемъ нѣсколькихъ погибающихъ душъ къ вѣчному спасенію. О. Акакій положилъ начало обращенію въ христіанство киргизовъ, которые въ значительномъ числѣ пріѣзжали къ нему для крещенія съ р. Иртыша. Изъ нихъ образовано о. Акакіемъ большое село Черно-Ануйское и половина, также не маленькаго, селенія Тюдралинскаго. Игуменъ Акакій былъ чрезвычайно простъ и добръ, для всѣхъ услужливъ, чѣмъ и снискалъ общую любовь инородцевъ. Онъ скончался въ основанномъ имъ селеніи Абайскомъ, въ 1872 году, и погребенъ тамъ въ оградѣ молитвеннаго дома.

Доброю памятью пользуются на Алтаѣ и почившіе въ Бозѣ миссіонеры: *священникъ Іоаннъ Семеновичъ Смольянниковъ*, служившій въ миссіи съ 1858 года и скончав-

шійся въ Улалѣ въ 1882 году: онъ памятенъ сколько своею многолѣтнею и полезною миссіонерскою службою, столько и своимъ замѣчательнымъ благодушіемъ во всѣхъ невзгодахъ, трудахъ и лишеніяхъ, которыхъ не мало выпало на долю этого многосемейнаго, бѣднаго труженика; гдѣ иной бы упалъ духомъ, или покрайней мѣрѣ огорчился, тамъ добрый, кроткій о. Іоаннъ шутилъ и былъ веселъ. Никто никогда не видалъ его печальнымъ, хотя и не красна была въ матеріальномъ отношеніи его жизнь. Рѣдкій и преданный товарищъ и другъ былъ о. Іоаннъ для всѣхъ своихъ сослуживцевъ, а инородцы горячо любили его за доброту. снисходительность и неизмѣнную веселость характера.—*Іеромонахъ Тихонъ,*—молодой человѣкъ, изъ свѣтскихъ,—воспитанникъ одного изъ Педагогическихъ институтовъ въ Россіи,—былъ въ высшей степени, до самозабвенія, ревностный миссіонеръ и строгій подвижникъ. Къ сожалѣнію, слабое здоровье его, надорванное безустанными, непосильными трудами, побудило его просить отпуска для отдыха и излеченія, и въ 1881 году онъ уѣхалъ въ Россію, а потомъ—на Аѳонскую гору, откуда писалъ на Алтай своимъ сослуживцамъ прекрасныя, интересныя письма,—затѣмъ въ Іерусалимъ и Египетъ. Возвратившись въ Россію, о. Тихонъ остановился на нѣкоторое время на Кавказѣ, въ Ново-аѳонской Симоно-Кананитской обители, гдѣ весною 1883 года и скончался отъ давней своей болѣзни—чахотки. Алтайская миссія потеряла въ немъ полезнѣйшаго своего члена. — Другой, также еще не старый (всего 36 лѣтъ), миссіонеръ, *іеромонахъ Платонъ,* также безвременно погибъ жертвою собственной своей ревности къ великому дѣлу: при строго-подвижнической, постнической жизни, о. Платонъ безустанно путешествовалъ съ евангельскою проповѣдью и однажды упалъ съ

коня, разбилъ себѣ грудь и, зачахнувъ, скончался въ 1876 году.

Почивайте же въ мирѣ, ревностные, полезные, но невѣдомые міру, труженики и молитесь у престола Божія за любимый вами Алтай, да скорѣе и окончательно исчезнетъ на немъ тьма язычества предъ лучезарнымъ свѣтомъ креста Христова и истинной, спасительной вѣры христіанской.

Прот. М. П—въ.

Г. Омскъ. 1883.